

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны ¹⁾.

1 апрѣля. Вчера Государь Императоръ изволилъ посѣтить Путиловскій механическій и судовой заводы ²⁾.

Его Величество изволилъ обходить мастерскія, гдѣ выдѣлываются снаряды, шрапнели, пушечную, миносборную, паровозомеханическую, башенную, турбинную, котельное отдѣленіе, посѣтилъ верфи, кузницы и мартеновскій цехъ. Обходъ завода продолжался три съ половиною часа. Вездѣ рабочіе съ энтузіазмомъ встрѣчали Государя Императора кликами „ура“. Работы шли полнымъ ходомъ на заводѣ.

Передъ отбытіемъ Государь Императоръ, обратившись къ рабочимъ верфи и прессовой мастерской, благодарилъ ихъ за работы по срочнымъ казеннымъ заказамъ, произведенныя ими въ праздники Благовѣщенія и Св. Пасхи. При громкихъ кликахъ „ура“ Императорскій поѣздъ отошелъ отъ завода.

Въ разговорѣ одной высокопоставленной дамы съ офицеромъ, послѣднимъ былъ затронутъ вопросъ: какъ могли нѣмцы изъ среды которыхъ вышли Гете и Шиллеръ, совершать ужасныя авѣрства въ эту войну, на что дама рѣзко сказала: „она это вполне понимаетъ, такъ какъ ужъ сорокъ лѣтъ отлично знаетъ, что нѣмецъ это не человѣкъ, а чертъ“.

¹⁾ См. „Русская Старина“, июль 1915 г.

²⁾ „Нов. Вр.“, 1 апрѣля с. г.

Приведемъ изъ корреспонденціи талантливѣйшаго В. И. Немировича-Данченко ¹⁾ два мѣста, одно касается доблестнаго духа нашей арміи, а другое неистовствъ нѣмцевъ въ Польшѣ:

„Вообще что это за солдаты и офицеры у насъ! Я думаю, наша армія еще никогда не стояла на такой высотѣ. Мало пишутъ о личныхъ подвигахъ потому, что они растворяются въ подвигѣ массовомъ, какъ каждый палецъ участвуетъ въ ударѣ всего кулака. Нельзя ничего выхватить отдѣльнаго, индивидуальнаго. Героизмъ сталъ общимъ мѣстомъ. Имъ уже здѣсь не удивишь никого. Я помню, какъ въ одну часть у насъ было прислано нѣсколько Георгіевскихъ крестовъ. Собрали солдатъ. Кто болѣе другихъ достоинъ этого боевого отличія? И оказалось, всѣ достойны. На подборъ богатыри, и некому передъ другими вичиться особенною доблестью. Хоть бросай жребій!

— Я знаю своихъ солдатъ,—говорилъ мнѣ еще вчера ротный командиръ.—У меня они всѣ на счету; но спросите у меня, кто изъ нихъ доблестнѣе, достойнѣе серебрянаго креста,—взвѣдываюсь отвѣтить. Всѣ доблестные, всѣ достойные“.

„Никогда варварство полудикаго хищника не доходило до такого ужаса. Пьяный разгулъ тевтонскихъ ордъ ничего не падать передъ собою. Тамъ, гдѣ прошли они, только почернѣвшія трубы свидѣтельствуютъ среди мерзости запустѣнія, что здѣсь некогда жило густое населеніе, и на вытоптанныхъ поляхъ кипѣлъ благородный трудъ. Въ польскихъ имѣніяхъ—нѣчто невообразимое. Все, что можно было выкрасть и увезти, увезено. Остальное изрѣзано, изрублено, спалено, загажено. Слушаешь бѣдняковъ и порою думаешь: неужели все это—правда? Невольно сомнѣваешься, но свидѣтельства со всѣхъ сторонъ подтверждаютъ ихъ безхитростные рассказы. Побеса въ заревахъ пожаровъ, испыхивающія повсюду смиренныя калуны польскаго крестьянства, вопли избиваемаго населенія. Именно избиваемаго, потому что достаточно было доноса нѣмецкаго коловиста, чтобы неистовствующіе германцы не только сжигали деревню, но и убивали всѣхъ ея жителей отъ мала до велика. Когда впоследствии я слышалъ рассказы объ этихъ „драгонадамъ“ войскъ Вильгельма II, мнѣ вспоминалось то, что тридцать лѣтъ назадъ я видѣлъ въ долинахъ Марицы и Тунджи, гдѣ сулеймановскіе таборы истребляли города и села

¹⁾ „Нов. Вр.“ 1 апрѣля с. г.

забалканской Болгаріи. Только тамъ неистовствовала мстительная злоба азіатскихъ ордъ, а тутъ спокойно, методически, не волнуясь, продѣлывали то же самое офицеры и солдаты „страны школьнаго учителя“.

Окружали деревню цѣпью. Отъ краевъ къ серединѣ гнали людей, — стариковъ, женщинъ, дѣтей, — всѣхъ, кто попался подъ-руку. Зажигали хаты и сбившихся къ костелу несчастныхъ безъ злобы, безъ торопливости, безъ ослѣпляющаго гнѣва разстрѣливали, кололи, глушили прикладами и, полуживыхъ, бросали въ бушующее пламя. Съ отвратительнымъ юморомъ сообщали: „Мы украсили сѣверные уѣзды Ломжинской губерніи виноградными гроздьями“. Это значило, что они цѣлыми кистями вѣшали на деревняхъ людей, не только „заподозрѣнныхъ“ въ шпіонствѣ, но и тѣхъ, у кого не оказывалось сѣстныхъ припасовъ, „которые можно было бы реквизировать“. Всего вѣроятно, что тѣ, кто не добѣжалъ до Ломжи и Островскаго, Остроленскаго и Пултускаго уѣздовъ, погибли отъ голода.

Подъ грохотъ орудій и свистъ огня, пожиравшаго халупы, разыгрывались сцены, передъ которыми съ ужасомъ и омерзѣніемъ отступили бы средневѣковые ландскнехты. Крестьянъ сгоняли рыть братскія могилы, сваливали туда своихъ убитыхъ и подъ хохотъ озвѣрѣвшихъ солдатъ, кстати, въ видѣ шутки, толкали туда и рывшихъ... Такимъ образомъ, подъ желтыми насыпями здѣсь есть и заживо схороненные. Не было никакого уваженія и къ своимъ товарищамъ. Вмѣстѣ съ мертвыми складывали и людей въ агоніи. Засыпали часто едва-едва. Какъ только стали таять снѣга, и вешнія воды снесли легкій верхній слой, изъ-подъ земли показались руки и ноги... Какъ видите, „край школьнаго учителя“ недалеко ушелъ хотя бы отъ китайцевъ въ ихъ сѣверныхъ провинціяхъ. И сейчасъ, когда начинается весна, отъ нѣмецкихъ позицій вѣетъ на насъ отвратительнымъ запахомъ цѣлыхъ горъ искалѣченнаго, изорваннаго, гнѣющаго тѣла. Есть мѣста, гдѣ непріятель не только самъ не хоронитъ своихъ мертвыхъ, пользуясь ихъ грудями, какъ готовымъ брустверомъ, но и намъ не даетъ возможности исполнить эту работу. Нѣмцы доходили до такой мерзости, что устраивали засады за мѣстами скопленія труповъ. Только-что туда подходили наши зарыть ихъ, непріятель бросался на нашихъ. Они до такой степени небрежно относятся къ этому, что кое-гдѣ воды, текуція отъ ихъ позицій къ нашимъ, мутны и вонючи отъ трупнаго гноя. Два раза, согласившись допустить

нашихъ солдатъ зарыть останки товарищей и унести раненыхъ между своими и нашими позиціями, эти потомки рыцарей къ среднимъ работѣ открывали огонь по русскимъ санитарамъ. Какъ видите, ни чести, ни совѣсти, ни малѣйшаго уваженія къ обычаямъ войны, освященнымъ цѣлыми вѣками боевого дѣла!

Разсказываютъ, что командиръ германскаго крейсера, потопившаго англійскій пароходъ „Флориду“, предложилъ командиру парохода подписать бумагу не поднимать противъ германцевъ оружія; на это предложеніе англичанинъ отвѣтилъ:

— Я готовъ подписать любой лоскутокъ бумаги, который вы предложите. Я готовъ подписать даже договоръ, гарантирующий Бельгію нейтралитетъ.

Одинъ изъ поляковъ, взятыхъ въ плѣнъ изъ нѣмецкой арміи, разсказывалъ объ обращеніи съ солдатами изъ Познанской провинціи:

„Другого не было обращенія, какъ „польская свинья“. Въ грязь насъ топтали. Униженіе повсюду, на каждомъ шагу. Въ душу плевали! О побояхъ и говорить нечего. Битье въ кровь — обычное дѣло. Всѣ, кому не лѣнь. Всѣ!.. Капитаны, лейтенанты, унтеръ-офицеры. Это еще ничего бы. А вотъ глумленіе... Этого никакъ нельзя было перенести. Полъ вылизывать языкомъ заставляли въ казармѣ. Особый родъ взысканія. Откажешься, — револьверъ къ виску: „неповиновеніе“ начальству при исполненіи служебныхъ обязанностей, нарушеніе дисциплины. Мы, поляки, да вотъ еще французы-эльзасцы, — мы были паріями германской арміи. И съ какимъ злорадствомъ посылали насъ впередъ, именно здѣсь, въ Царствѣ Польскомъ. Своихъ же братьевъ по крови и по вѣрѣ заставляли разстрѣливать. И сколько злорадства, когда зажгутъ польскую деревню...

Передаютъ про позорныя дѣянія нѣкоторыхъ россійскихъ нѣмцелюбовъ о томъ, какъ они соблюдаютъ интересы родины при сдѣлкахъ съ германскими и австрійскими торговыми и акціонерными предпріятіями. При ознакомленіи въ министерствѣ торговли и промышленности съ данными отчетовъ этихъ предпріятій выяснилось, что лица, исключительно подданныя враждующихъ государствъ, владѣвшія раньше, скажемъ 2.000

акцій, нынѣ владѣютъ только нѣсколькими десятками таковыхъ и, наоборотъ, нѣкоторые русскіе подданные, раньше владѣвшіе чрезвычайно малымъ количествомъ, неожиданно представили весьма значительное количество.

2-ю апрѣля. Немудрено, что намъ такъ трудно теперь бороться съ нѣмецкимъ засиліемъ, когда у насъ на высшихъ при германскихъ постахъ ютились изумительные русскіе нѣмцелюбы.

Въ одной изъ газетъ ¹⁾ передается разсказъ одного комиссара по крестьянскимъ дѣламъ, служившаго 25 лѣтъ на равныхъ должностяхъ въ Царствѣ Польскомъ. Онъ былъ назначенъ въ 1890 году комиссаромъ по крестьянскимъ дѣламъ въ Липновскій уѣздъ Плоцкой губерніи, расположенный въ 7 верстахъ отъ германской крѣпости Торна.

Комиссаръ былъ пораженъ, что вся приграничная полоса уѣзда была сплошь населена нѣмцами и всѣ должностныя лица въ деревняхъ были нѣмцы, которые не говорили ни по-русски, ни по-польски. Когда же послѣдовало отъ комиссара приказаніе смѣнить солтысовъ изъ нѣмцевъ, то нѣмецкія газеты потребовали удаленія комиссара какъ человѣка не культурнаго и неразвитаго, а торнскій офиціозъ даже потребовалъ преданія его суду. Къ счастью предрержащія власти тогда не были нѣмцелюбами.

Приводимъ далѣе разсказъ въ подлинникѣ: ужъ очень онъ характеренъ:

„Начатая мною борьба съ нѣмецкимъ засиліемъ была горячо поддержана тогдашнимъ плоцкимъ губернаторомъ Ниновичемъ и генераль-губернаторомъ края Г. В. Гурко. По докладу губернатора послѣдній немедленно вызвалъ меня въ Варшаву и долго и обстоятельно разспрашивалъ о положеніи дѣлъ на границѣ. На прощанье, горячо пожимая мою руку, Г. губернаторъ сказалъ:

— Сердечно благодарю васъ за добрый починъ и прошу докончить начатое дѣло—составить картограмму нѣмецкаго заселенія въ вашемъ уѣздѣ.

Закончивъ картограмму, я получилъ весьма печальные результаты. У самой границы нѣмцы составляли въ деревняхъ

¹⁾ „Нов. Вр.“ 2 апрѣля.

90—95 проц. жителей, а ближе къ Варшавѣ 80, 70, 65 проц. Ширина пояса захвата доходила до 80 верстъ вглубь страны. Кроме того, по всему уѣзду, въ каждой изъ его гминъ, были вкраплены гнѣзда нѣмцевъ по 5—6 семей. Получивъ картограмму, губернаторъ Яновичъ поѣхалъ съ ней въ Варшаву къ новому генераль-губернатору графу Шувалову, но черезъ нѣсколько дней вернулся оттуда грустный и смущенный. На мой деликатный вопросъ—въ чемъ дѣло, онъ кратко отвѣтилъ:

— Скоро узнаете...

Мѣсяца черезъ два-три состоялся объѣздъ Плодской губерніи новымъ генераль-губернаторомъ. При представленіи ему, когда губернаторъ назвалъ мою фамилію, онъ какъ будто что-то вспомнилъ и, подумавъ немного, спросилъ:

— Это вы составляли картограмму нѣмецкаго разселенія въ Липиновскомъ уѣздѣ?

— Я, ваше сіятельство.

— Картограмма составлена прекрасно. Вы, видимо, немало труда положили на нее, но въ ущербъ вашихъ прямыхъ обязанностей...

И, обращаясь къ губернатору, продолжалъ:

— Недавно я былъ въ гостяхъ у германскаго императора и показалъ ему липиновскую картограмму. Онъ лишь разсмѣялся и сказалъ: „Бѣдные мои нѣмцы, вездѣ-то ихъ жмутъ“.

Такъ закончилась неудачно бывшая 25 лѣтъ назадъ попытка варшавскаго генераль-губернатора Гурко бороться съ нѣмецкой колонизаціей Царства Польскаго.

„Бѣдныхъ нѣмцевъ“ дѣйствительно пожалѣли.

3 апрѣля. По указанію смилтенскихъ прихожанъ составленъ протоколъ на гауенскаго пастора А. за пропускъ на богослуженіяхъ молитвы за Государа Императора. До этого на пастора А. составлялись протоколы за демонстративные разговоры на нѣмецкомъ языкѣ („Латвія“).

Разсказывали о двухъ интересныхъ фактахъ. Одинъ русскій чиновникъ, пострадавшій отъ своего начальника, прибалтійскаго барона въ Прибалтійскомъ краѣ, задумалъ получить какое-либо мѣсто въ Витебской губерніи. Намѣреніе его не осуществилось, такъ какъ лица, у которыхъ онъ предполагалъ получить мѣсто, оказались со слѣдующими именами: Бух-

гольцъ, Губеръ, фонъ Кляутъ, Кортъ, Мартенсъ, Минусъ, Мирбахъ, Шфейферъ, Фитингофъ.

Другой фактъ не менѣе поучительный: въ Кіевской губерши въ Липовецкомъ уѣздѣ земскій воротила Фридрихъ Фридриховичъ Енин, имѣющій два сахарныхъ завода, гдѣ всѣ служащіе нѣмцы, остался при особомъ мнѣніи о необходимости выдачи пособій призваннымъ на войну въ такой формѣ ¹⁾:

„По докладу № 28 гласный Ф. Ф. Енин находитъ необходимымъ придерживаться возможной экономіи при назначеніи пособій. При началѣ войны вслѣдствіе патріотическаго подъема земское собраніе пошло очень широко на помощь призваннымъ на войну. Теперь же выясняется, что война принимаетъ затяжной характеръ и поэтому ассигнованія на пособия ложатся тяжелымъ бременемъ на земскій бюджетъ“...

Одинъ американецъ, занимающій привилегированное положеніе, подѣлился съ корреспондентомъ „Daily News“ впечатлѣніями, вынесенными имъ изъ посѣщенія главной германской квартиры, въ которой онъ пробылъ три дня въ началѣ войны, а также изъ посѣщенія главной англійской квартиры, гдѣ ему также пришлось быть.

Контрастъ, по словамъ этого американца, необычайный.

— Въ германской квартирѣ атмосфера принужденія безъ всякаго послабленія. Слышно только бряцаніе шпоръ и сабель. Чувствуешь себя постоянно и во всемъ ограниченымъ, словно находишься въ ящикѣ съ льдомъ, и тебя хотятъ заморозить до мозга костей.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ пребыванія среди нѣмецкихъ штабныхъ, несмотря на ихъ утонченную вѣжливость, я былъ счастливъ, — рассказываетъ американецъ, — выбраться изъ этой тяжелой атмосферы прусской официальнойщины и подышать свѣжимъ воздухомъ.

Наоборотъ, въ англійской квартирѣ нѣтъ даже никакихъ слѣдовъ этой холодильной машины. Не слышно нигдѣ бряцанія шпоръ и другихъ проявленій официальнойщины. Фельдмаршалъ Френчъ показалъ себя человѣкомъ, которому человѣчность не чужда, и даже болѣе — веселымъ, дружелюбнымъ. Онъ крѣпко жметъ вамъ руку, и эта привѣтливость охватываетъ васъ. Послѣ пяти минутъ разговора съ нимъ, чувствуешь себя уже

¹⁾ „Нов. Вр.“, 3 апрѣля с. г.

какъ со старымъ другомъ. Офицеры штаба Френча, которые называютъ себя фамильярно его дѣтьми, охотно пойдутъ за него въ адъ, какъ на танцы. Они разныхъ чиновъ, характера и возраста, но у всѣхъ у нихъ та же благородная черта добродушія, добраго товарищества и братства.

Корреспондентъ „Новаго Времени“ Рогозинниковъ, поднявшійся, вмѣстѣ съ наблюдателемъ - офицеромъ на змѣйковомъ аэростатѣ, приносящемъ такую пользу въ развѣдкѣ, такимъ образомъ описываетъ свое пребываніе на воздухѣ, послѣ поднятія аэростата.

Въ маленькой корзинкѣ могло помѣститься всего два человека. Подъ ногами въ холщевыхъ мѣшкахъ лежалъ играющій роль баласта мѣшокъ. Въ кожаныхъ карманахъ, придѣланныхъ къ стѣнамъ корзины, были карты, бинокли, хронометры... Въ одномъ углу стоялъ карабинъ, а въ противоположномъ, въ деревянномъ ящикѣ, телефонный аппаратъ, соединенный съ землею длиннымъ гутаперчевымъ шнуромъ. Вотъ и все. Сѣсть въ гондолѣ было негдѣ. Поворачиваться приходилось съ большою осторожностью и, крѣпко держась за систему веревокъ, опутывавшихъ корзину. Вверху, какъ я уже упоминалъ, раздувалась толстой надутой колбасой свѣтло-желтая ткань аэростата, а къ клапанамъ протягивались изъ корзины толстые цвѣтные шнуры...

Мы стояли, крѣпко ухватившись за веревки, и смотрѣли впередъ. Трудно было оторваться отъ восхитительнаго зрѣлища. Съ каждой минутой привыкшей къ обстановкѣ глазъ открывалъ все новыя и новыя подробности.

— Вотъ видите тамъ, вдали, направо рядъ домиковъ, съ церковью по серединѣ, — объяснялъ мнѣ офицеръ-наблюдатель, мой спутникъ, — это мѣстечко К., занятое на-половину нами, на-половину нѣмцами.

Трудно было слѣдить за всеми указаніями моего хозяина, повидимому, прекрасно освоившагося съ характеромъ района. Узенькой лентой, вѣрнѣе чертой, тянулась зигзагами линія нашихъ окоповъ. Даже въ самый сильный бивокль немислимо было разглядѣть присутствіе чего-нибудь живого въ этихъ длинныхъ земляныхъ канавахъ. Ходы сообщенія неправильными зигзагами разрѣзали луга, снѣтаясь въ причудливую систему такихъ же канавъ.

— Вся эта линия,—продолжалъ офицеръ,—такъ и осталась здѣсь безъ движенія въ одну или въ другую сторону. Февральскія атаки оставили послѣ себя громадные воспоминанія въ видѣ массы труповъ, усѣявшихъ все пространство между нашими окопами и нѣмецкими.

Теперь они, вотъ видите, тамъ, на опушкѣ этого лѣса... Линія ихъ расположенія протягивается приблизительно параллельно нашей, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сходясь на очень близкое разстоянiе. Видите ихъ окопы: вотъ особенно хорошо замѣтенъ ихъ фронтъ на этой полянѣ между лѣсками... Ровное пространство это обстрѣливается нами почти съ фланговъ. И на этомъ участкѣ германцы скопили порядочныя силы, боясь прорыва...

Съ громаднымъ интересомъ разглядываю мѣстность въ указываемыхъ мнѣ наблюдателемъ направленіяхъ. Теперь начинаю уже ориентироваться. Совсѣмъ оригинальное чувство испытываешь, видя все пространство, занятое врагомъ, далеко тянущееся въ туманную дымку горизонта къ самой прусской границѣ. Повемногу неясныя черточки окоповъ становятся привычными для глазъ, и весь фронтъ, протягивающійся черезъ поля, чаще всего располагающійся по опушкамъ лѣса, иногда разрѣзающій деревни и селенія, становится необычайно яснымъ.

Только теперь отсюда видишь, насколько скудны были всѣ прежнія представленія о взаимномъ расположеніи сторонъ... Только отсюда можно дѣйствительно составить себѣ полную картину мѣстности и фронтовъ. Тамъ, далеко, далеко, въ германскомъ тылу уже довольно трудно различить какія-либо подробности. Видны дороги, чувствуется на нихъ движеніе, вѣроятно можно было бы ясно увидѣть войсковую колонну, но на первый взглядъ все сливается въ однообразную панораму далекихъ, далекихъ лѣсовъ, деревень и безконечныхъ полей.

Спрашиваю моего спутника, какая собственно цѣль его пребыванія здѣсь на шарѣ. Вѣдь какія-либо детальныя наблюденія, судя по всему, дѣлать нельзя. Картина, передаваемая биноклемъ, по крайней мѣрѣ, для неопытнаго взгляда, слишкомъ схематична...

— Я думаю, что вы ошибаетесь,—слышу въ отвѣтъ. Даже сегодня, въ день, подернутый легкой дымкой надвигающагося тумана, я могу сдѣлать достаточно цѣнныя наблюденія. Вы вотъ не видите подробностей, а я замѣчаю германскія батареи. Достаточно замѣтить хоть одинъ блескъ отъ выстрѣла орудія, чтобы совершенно точно засѣчь на картѣ расположеніе артил-

дерин. Въ этомъ смыслѣ наблюдательные аэростаты играютъ незамѣнимую роль. И къ какимъ только ухищреніямъ не прибѣгаютъ нѣмцы, чтобы надуть насъ! Вчера, на примѣръ, была оригинальная игра. Поднялся, смотрю и глазамъ не вѣрю—на открытомъ мѣстѣ и довольно близко отъ передовыхъ линій нѣмцы вдругъ выдвинули батарею. Только-что хотѣлъ застѣчь ее на картѣ, какъ вдругъ думаю — итъ, подождемъ, не надуешь! Стою и жду, что будетъ дальше. Нѣмцы какъ только замѣтили, что аэростатъ поднялся, начали стрѣлять именно съ этой батареи. Какъ только они это сдѣлали, я расхохотался. Представьте себѣ—огонь вижу, выстрѣловъ не слышу, жду десять секундъ, двадцать, жду полминуты, минуту, оглядываюсь вокругъ, ищу дымковъ — ничего, никакихъ снарядовъ. Разъ выстрѣлили, другой разъ выстрѣлили, все огонь есть, — а гротота и снарядовъ итъ. Ну, думаю, конечно, мерзавцы, надуть хотѣли. Одна изъ обычныхъ хитростей — ложная батарея, но сработанная съ исключительной нѣмецкой тупостью. Хитрость весьма дубоваго характера. И вѣдь что же—часа два надрывались у своихъ картонныхъ пушекъ, все хотѣли убѣдить въ угрожающемъ положеніи якобы настоящей батареи... А мнѣ оставалось только хохотать...

И вотъ, несмотря на разныя ухищренія, все-таки удается добывать отсюда цѣпныя свѣдѣнія. Сегодня, на примѣръ, я ясно вижу, что у нихъ на фронтѣ все спокойно, никакихъ крупныхъ передвиженій... Если бы только появились колонны, скопленія войскъ, мы немедленно бы замѣтили.

Скоро наблюдать будетъ нельзя — съ запада надвигается сильный туманъ...

Дѣйствительно, широкая молочно-мутная пелена шла слѣва.

Въ это время тучка, бросавшая тѣнь на весь дальній тылъ германскаго расположенія, отошла въ сторону. Яркіе лучи солнца освѣтили мѣстность далеко на горизонтѣ...

— Вотъ смотрите, схватилъ меня мой спутникъ за руку, — видите тамъ, вдаль, пространство какъ бы иѣсколько изрѣзано и видны скопленія черныхъ точекъ. Это уже желѣзныя дороги на прусской территоріи. Въ хорошую погоду въ подзорную трубу я легко вижу бѣлые дымки и малюсенькіе составы германскихъ поездовъ...

4 апрѣля. Передаютъ, что въ Рундукѣ, у болгарской границы едва не произошла встрѣча генерала По съ фонъ-деръ-

Гольцемъ. Предержащія власти Болгаріи растерялись. Только случай устранилъ непріятную встрѣчу—когда генераль По вошелъ въ одну дверь саловъ-вагона, Гольць-паша вышелъ въ другую.

Какая идетъ вакханалія передачи нѣмецкихъ предиріятій въ русскія руки. Какимъ поворомъ покрыли себя ваши нѣмцелюбы и карманюлыбы. Необходимы для печати имена этихъ негодаевъ.

Недавно встрѣтилъ на улицѣ бывшего помощника военнаго министра генерала Поляванова, занимающагося по дѣламъ Краснаго Креста и по военно-санитарной части. Малая дѣла для такой крупной личности.

Какъ грустно сознавать, что такой крупный дѣятель комитета обороны третьей Думы, А. И. Гучковъ не попалъ въ четвертую Думу. Не касаясь распоряженій военнаго министерства, надо сознаться, что Россія въ усиленіи настоящей боевой готовности очень многимъ обязана А. И. Гучкову, а также третьей и четвертой Думѣ.

На одной колбасной читаю вывѣску „Ганъ и Чесноковъ“. Невольно возникаетъ при чтеніи вопросъ, при чемъ тутъ Чесноковъ. Съ недоумѣніемъ также читаю записки на картонѣ въ цвѣточныхъ магазиняхъ, что хояева ихъ русскіе. Когда же у насъ пройдетъ въ жизнь законопроектъ Бріана?

4 апрѣля. Его Величество Государь Императоръ 4-го сего апрѣля изволилъ отбыть изъ Царскаго Села въ дѣйствующую армію ¹⁾.

Голландскія газеты сообщаютъ, что командиръ седьмого германскаго корпуса обратился съ призывомъ къ германскимъ женщинамъ, проживающимъ въ районѣ этого корпуса, не жаловаться въ письмахъ къ мужьямъ, находящимся на фронтѣ, на переживаемую нужду, такъ какъ такія жалобы вызываютъ безпокойство среди войскъ.

¹⁾ „Рус. Вѣст.“ 5 апрѣля.

Въ № 82 „Русскаго Инвалида“ гр. А. Д. передаетъ интересныя данныя о развѣдкахъ нашихъ славныхъ донскихъ казаковъ:

На войнѣ есть кто-то, кто каждый день подходитъ къ противнику совсѣмъ близко, чуть не вплотную, не бьетъ его, не стрѣляетъ, а только смотритъ на него и считаетъ его. Это—развѣдчики. Развѣдчикъ, отойдя отъ своего отряда, вдругъ вступаетъ въ полосу, гдѣ ничего неизвѣстно. Есть непріятель, или нѣтъ его, занять вотъ этотъ густой, огромный лѣсъ „его“ людьми, или свободенъ, будутъ стрѣлять вонъ изъ тѣхъ домовъ, или нѣтъ—всюду можетъ быть непріятель и силы и намеренія его неизвѣстны. Развѣдчикъ попадаетъ часто въ самыя исключительныя и невѣроятныя положенія, кочуетъ среди непріятельскаго стана, слышитъ его разговоры, видитъ его домашнюю жизнь, варку пищи, раздачу обѣда, людей, ходящихъ безъ оружія, въ разстегнутыхъ мундирахъ, онъ работаетъ очень часто въ одиночку, или въ маленькой партіи, онъ рискуетъ жизнью, раненіемъ и, что хуже всего плѣномъ, что у нашего варвара-врага равносильно мученической смерти. Вся его жизнь на войнѣ—романъ, полный приключеній, онъ первый приподнимаетъ завѣсу, за которою скрывается тотъ, кого называютъ общимъ, страшнымъ на войнѣ и вмѣстѣ таинственнымъ именемъ „онъ“. Казалось бы, нервы должны напрягаться чрезвычайно и развѣдчики могли бы рассказывать длинныя невѣроятныя исторіи, гдѣ истина мѣшается съ фантазіей и гдѣ не знаешь, гдѣ кончается то, что было, и начинается то, что казалось. Къ счастью, нервы у нашихъ казаковъ и солдатъ совершенно иной конструкціи, чѣмъ у насъ. Бѣзтрепетно переступаетъ онъ грань, раздѣляющую „его“ отъ „насъ“, а дальше онъ чисто механически выполняетъ то, чему его учили въ мирное время, то, въ чемъ практиковался онъ на маневрахъ и, чѣмъ лучше его учили, тѣмъ лучше будетъ произведена и развѣдка. Свистъ летящихъ по немъ пуль его мало смущаетъ, чувствуя себя открытымъ, онъ иногда и самъ беретъ за винтовку и открываетъ огонь по противнику, поражая уже его воображеніе, производитъ панику тремя, четырьмя выстрѣлами въ цѣлой ротѣ, беретъ плѣнныхъ, отхватываетъ обозы. Тутъ въ немъ вдругъ просыпается инстинктъ охотника, онъ забываетъ цѣль развѣдки увидѣть и донести, и спѣшитъ подкрѣпить свое донесеніе охотничьей добычей. Такой развѣдчикъ охотникъ—уже незамѣнимый въ эскадронѣ, или сотнѣ человекъ, онъ выслѣживаетъ и наблюдаетъ непріятеля, какъ охотникъ выслѣживаетъ звѣря, онъ изучаетъ его обычаи, его нравы

и онъ умѣетъ дать ему характеристику совершенно точную и подробную. Но какъ рассказчикъ онъ васъ не удовлетворитъ. Вся эта страшная, потрясающая нервы картина развѣдки для него проста и обыденна, какъ подсиживание утокъ на озерѣ, или стрѣльба по зайцу, болѣе того: въ охотѣ у него при рассказѣ больше поэзіи, больше красокъ, нежели въ этой охотѣ за человѣкомъ.

Вотъ, они передо мною лихіе развѣдчики 3-й сотни Д—го полка со своимъ краткимъ, простымъ и безыскусственнымъ рассказомъ. Они рассказываютъ вамъ о томъ, какъ на разсвѣтѣ они съ 30 шаговъ разстоянія разглядывали непріятельскій станъ.

...„Поѣхали верхомъ по Обводному шоссе, ядимъ, лошади его на коновязяхъ нашихъ подъ сѣдлами, кругомъ народъ „въ разбросанномъ“ видѣ, подводы распряжены на площадкѣ за „шоссой“. Драгуны и его пѣхота насъ замѣтили. Начали обстрѣливать. Я отошелъ“... и все или и такъ—„мы вчетверомъ подѣхали къ Лабунькѣ, остановились за круглой батареей. Видимъ, его роты двѣ стоятъ у нашего караульнаго помѣщенія. Купріановъ, Никитченковъ и Изваринъ спѣшились и пошли подъ надъ рѣчкой. Подошли шаговъ на тридцать и открыли огонь изъ винтовокъ. Пѣхота засуетилась, открыли огонь, стали собирать палатки и ушли въ городъ. Мы долго смотрѣли за ними“...

Трое потревожили цѣлый отрядъ и, пользуясь укрытіемъ, остались на своемъ мѣстѣ, пока отрядъ не ушелъ.

Итакъ во всѣхъ рассказахъ васъ поражаетъ эпическая простота повѣствованія, чисто протокольная, отсутствіе сердца, отсутствіе настроеній, наслоеній, душевныхъ эмоцій. Вы чувствуете, что у этихъ людей сердце билось все время ровно, что они не волновались ни тогда, когда съ тридцати шаговъ брали врага на мушку, ни тогда, когда врагъ наобумъ стрѣлялъ по нимъ. И это драгоценное качество нашего казака и солдата. Нужно самому побывать на развѣдкѣ, со своею уже испорченною нервною системою, съ издерганными нервами и мыслью, безпокойно бѣгающею въ мозгу, какъ бѣлки въ колесѣ.

Та развѣдка, о которой такъ просто повѣствовали эти люди съ красивыми широкими лицами, съ густыми кудрями, была далеко не такъ проста и являлась для нашихъ войскъ весьма важной и отвѣтственной“...

Личное состояніе Вильгельма оцѣнивается въ 500.000.000 марокъ, а ежегодный доходъ—въ 25.000.000 марокъ.

Кайзеръ владѣетъ акціями всѣхъ большихъ германскихъ мореходныхъ компаній, акціями брильянтовыхъ коней въ германскихъ западно-африканскихъ колоніяхъ, владѣетъ лѣсами и землями, состоитъ пайщикомъ промышленныхъ и торговыхъ предприятий, является собственникомъ большого ресторана подъ французскою вывѣскою „Sans Souci“, занимается коннозаводствомъ, получаетъ хорошій доходъ отъ интенсивной культуры картофеля въ своихъ 74-хъ имѣніяхъ, разбросанныхъ въ семи провинціяхъ, владѣетъ пивовареннымъ заводомъ и большимъ гончарнымъ дѣломъ.

Кромѣ того, кайзеръ является собственникомъ 40 замковъ и многочисленныхъ доходныхъ домовъ въ Берлинѣ.

Время отъ времени кайзеръ не брезгаетъ „счастливыми“ операціями на биржѣ.

Какъ говорятъ, передъ войной Вильгельмъ, при посредствѣ своихъ тайныхъ агентовъ, принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности. Онъ размѣстилъ большіе капиталы въ заграничныя банки на подставныхъ лицахъ, купилъ большіе земельные участки въ Канадѣ, Бразиліи и Мексикѣ.

Кронпринцъ тоже принялъ мѣры предосторожности такого же рода, равно какъ и остальные члены императорской германской фамиліи.

Роттердамскій корреспондентъ „Daily News“ бесѣдовалъ съ лицомъ, находящимся въ сношеніяхъ съ нѣмецкими дипломатами.

Лицо это рассказываетъ, что пиратскія нападенія нѣмецкихъ подводныхъ лодокъ на мирныя торговыя суда не встрѣчаютъ единодушнаго одобренія въ германскихъ правительственныхъ кругахъ. Число сторонниковъ и противниковъ морского разбоя почти одинаково.

Нападать на торговыя суда предложилъ морской министръ адмиралъ фонъ-Тирлицъ, а возражалъ ему, и очень серьезно, канцлеръ Бетманнъ-Гольвегъ, который увѣрялъ, что такой образъ дѣйствій германскаго флота произведетъ самое скверное впечатлѣніе на нейтральныя страны. Бетманнъ-Гольвегъ указывалъ также, что серьезнаго вреда англійской морской торговлѣ нѣмецкія подводныя лодки нанести не смогутъ.

Тѣмъ не менѣе, фонъ-Тирлицъ настаивалъ на выполненіи своего плана и указывалъ, что, въ виду того, что германскій военный флотъ стоитъ на якорѣ и не можетъ выйти въ море,

чтобы принять сраженіе, а также въ виду того, что германская морская торговля совершенно прекратилась, нужно безусловно сдѣлать что-нибудь, чтобы поддержать престижъ германскаго флага на морѣ.

Рѣшительное слово въ этомъ спорѣ сказалъ кайзеръ.—и, по его приказу, начался разбой на большихъ дорогахъ.

Канцлеръ Бетманнъ-Гольвегъ и до сихъ поръ возражаетъ противъ этого пиратства.

— Читая рассказы и донесенія о нападеніяхъ германскихъ лодокъ на торговые суда, можно замѣтить,—продолжалъ собесѣдникъ англійскаго журналиста,—что эта двойственная политика германскихъ правителей отражается и на образѣ дѣйствій германскихъ лодокъ. Нападенія свои совершаютъ онѣ двойко; съ примѣненіемъ самыхъ разбойныхъ приѣмовъ и болѣе культурныхъ. Представлены, такимъ образомъ, политика кайзера и политика канцлера.

Въ Берлинѣ, несмотря на горячія статьи послушной приказамъ свыше печати о подвигахъ подводныхъ лодокъ, общественное мнѣніе также раздѣлилось на два лагера въ своихъ взглядахъ на способы веденія войны. Во всякомъ случаѣ, одно всемъ понятно: это—банкротство германскаго правительства. Все его обѣщанія прекратить перевозку англійскихъ войскъ на континентъ остались только обѣщаніями. Правда, берлинскіе листки рассказываютъ, что нѣмецкимъ лодкамъ удалось потопить много англійскихъ транспортовъ, но мало теперь живыхъ нѣмцевъ, которые этому вѣрятъ.

5 апреля. Въ англійской печати, въ статьѣ „Россія, Англія и Константинополь“, принадлежащей перу Firth, приводится рядъ доказательствъ въ пользу „русскаго“ Константинополя. Въ началѣ авторъ даетъ историческій очеркъ англо-русскихъ отношеній за послѣднія сто лѣтъ и перечисляетъ причины долгаго отчужденія и недоверія, раздѣлявшихъ эти двѣ державы.

— Теперь,—говоритъ авторъ,—этому отчужденію положенъ конецъ. Англія узнала Россію, и война съ Германіей привела Англію къ тѣсному союзу съ русскими. Когда война окончится, прочный миръ въ Европѣ будетъ зависѣть только отъ продолженія дружбы и добрыхъ отношеній между Англіей и Россіей.

— Теперь въ Англии,—продолжаетъ авторъ,—уже никого не пугаетъ перспектива утвержденія Россіи на Босфорѣ. Нашъ флотъ, который всегда отстаивалъ неприкосновенность турец-

кой территоріи отъ русскихъ посягательствъ, теперь готовится русскимъ своей бомбардировкой путь къ ихъ завѣтной цѣли.

Времена измѣнились, и Англія навсегда отказалась отъ своей прежней политики на Ближнемъ Востокѣ. Англійскіе интересы въ этой части свѣта чисто-коммерческіе; политическіе интересы Англии здѣсь ничтожны, тогда какъ у Россіи они чрезвычайно значительны и нисколько не противорѣчатъ интересамъ Англии. Эдуардъ Грей заявилъ недавно, что англійское правительство „вполнѣ сочувствуетъ русскимъ стремленіямъ“. Это укрѣпляетъ надежду на то, что уже теперь союзники, съ общаго согласія, рѣшили будущую судьбу Константинополя. Возможно, что мы теперь накануне исполненія древняго пророчества, которое было начертано на конной статуѣ, воздвигнутой въ „новомъ Римѣ“ при Антиохѣ и разрушенной латинянами въ 1204 г., — что „придутъ люди съ сѣвера и возьмутъ Константинополь“...¹⁾.

Голландскій журналистъ, проведеній нѣсколько дней въ Бельгіи, рассказываетъ о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ разговоровъ съ нѣмецкими солдатами.

Солдаты арміи кайзера начинаютъ, несмотря на всѣ принятые мѣры, познавать истину. Они говорятъ, что послѣ войны со всѣми будутъ сведены счеты, подчеркивая слова „всѣми“.

Солдаты особенно возмущены дѣйствіями своихъ офицеровъ въ ноябрѣ и декабрѣ.

— Тысячи труповъ нашихъ воиновъ, — говорятъ они, — были оставлены на правомъ берегу Изера. Мы хотѣли хоть снять съ погибшихъ металлическія дощечки съ ихъ именами, чтобы отослать роднымъ. Но офицеры не разрѣшили намъ этого, грубо заявивъ, что не стоитъ возиться съ этими „швейнкопфъ“.

Солдаты были возмущены этимъ наглымъ издѣвательствомъ.

— Наши офицеры увидятъ, — говорятъ они — послѣ войны, кто „швейнкопфъ“²⁾.

Въ сберегательныя кассы въ Москвѣ было внесено народныхъ сбереженій 9½ милліоновъ рублей, въ 1914 г. въ пер-

¹⁾ „Русск. Сл.“ 5 апрѣли 1915 г.

²⁾ Тамъ же.

вую половину поступило $8\frac{1}{2}$ милліона рублей, а за вторую, когда была прекращена продажа водки и пива, 14 милліоновъ рублей.

Кажется, послѣднее доказательство послѣдствій трезвости.

Министерство путей сообщенія огласило возмутительныя дѣянія донецкихъ углепромышленниковъ. Въ рудникахъ лежатъ огромныя запасы угля, а углепромышленники провожаютъ на сѣверъ пустующіе товарныя вагоны.

Видѣ всякаго сомнѣнія, это дѣлается для угольнаго голода.

Приказъ здѣшняго главнокомандующаго устанавливаетъ прикосновенность къ нечистой спекуляціи нѣкоторыхъ кредитныхъ учрежденій.

Неужели нельзя обнородовать фамиліи этихъ отчаянныхъ негодяевъ?

Вотъ какія жертвы приносятъ современные Минины на алтарь отечества.

6 апрѣля. Въ Петроградѣ сильно поднимается цѣна на мясо. Одно лицо, пріѣхавшее изъ Москвы, сообщаетъ, что въ настоящее время ст. Любань запряжена вагонами съ живымъ скотомъ, слѣдовавшими въ Петроградъ, но кѣмъ-то остановленными. Крайне желательно знать, кѣмъ задержаны эти вагоны и какому скоту принадлежали эти убойные быки.

Статистическое бюро полтавскаго губернскаго земства издало изслѣдованіе о томъ, какъ повліяло на населеніе губерній прекращеніе продажи водки. Интересны мнѣнія мѣстныхъ обывателей о великомъ событіи народной жизни: „это чудо изъ чудесъ, это воскресеніе изъ мертвыхъ“, „самыя горькіе пьяницы, самые умные люди въ отсутствіи водки“, „горькіе пьяницы годятся теперь въ старшцы. Стали они такъ работать, что смотрѣть удивительно“. „Всѣ радуются, исполнились заветныя мечты“.

Особенно довольны женщины. „Онѣ единогласно свидѣтельствуютъ, что онѣ теперь только свѣтъ увидали, и чтобы водки ввѣкъ не было“. „Мужья наши не будутъ пить и не будутъ насъ бить“.

Одинъ изъ отъявленныхъ пьяницъ передаетъ:

8 апрѣля. Служащіе въ конторахъ оптовыхъ торговцевъ мясомъ пишутъ въ „Вечернее Время“ отъ 7 апрѣля:

„Такса свернула жирныя фізіономіи нашихъ хозяевъ въ скверную гримасу, и они призадумались. Но былъ ли когда-нибудь случай, чтобы русскій купецъ, воспитанный на девизѣ „не обманешь — не продашь“, не съумѣлъ выйти изъ самаго затруднительнаго положенія? Поломали наши хозяева немножко головы, пошептались между собой, и вновь улыбка засіяла на ихъ губахъ.

— Такса?!—говорятъ они:—ну, и пусть себѣ! А вотъ какъ всѣ запляшутъ, какъ не будетъ въ Питерѣ мяса, что-то станетъ продавать по такимъ цѣнамъ?! Въ холодильникахъ вѣдь продержимъ, а по таксѣ не уступимъ.

И дѣйствительно холодильники работаютъ, какъ никогда. Вспомните, какъ городъ попробовалъ поискать холодильныхъ помѣщеній для своихъ запасовъ. Ему отвѣчали: „Мѣсть нѣтъ“. Да скажите, пожалуйста, чѣмъ же холодильники заняты, разъ по увѣреніямъ купцовъ ни мяса, ни масла, ни яицъ въ Петроградѣ нѣтъ? Вѣдь шерсти, льна и пеньки въ холодильникахъ не держать.

Но этого мало. Забрались наши хозяева въ разныя продовольственныя комиссіи и такъ путаютъ членовъ, что насъ при чтеніи отчетовъ о засѣданіяхъ даже злостъ разбираетъ.

Увѣряютъ, наиримѣръ, что вагульнаго скота въ Россіи мало, что народъ вслѣдствіе прекращенія продажи водки разбогатѣлъ и не хочетъ дешево продавать быковъ и т. п.

Да развѣ мужицкая коровенка для стоаницы годится? Если бы мужикъ и даромъ ее отдавалъ, такъ наши хозяева не возьмутъ. Мы покупаемъ скотъ у сельскихъ хозяевъ, выращивающихъ его либо въ степяхъ, либо на отбросахъ винокуренія и сахарнаго производства. А такого скота не то что на годъ, а на пять лѣтъ войны хватить.

Вотъ и сейчасъ намъ пишутъ и телеграфируютъ изъ Черниговской губерніи, что скота дѣвать некуда. А возьмите-ка Сибирь да юго-восточныя губерніи! Оттуда-то скотъ еще только-только двгаться началъ.

Чтобы сгладить неможко то тяжелое впечатлѣніе, которое производятъ ихъ продѣлки на населеніе, наши хозяева крупно жертвуютъ на лазареты, на раненыхъ, на подарки воинамъ. Но знаютъ ли обыватели, что всѣ эти суммы мы проводимъ по книгамъ и раскладываемъ на товаръ, т.-е. на самихъ же покупателей“.

В. И. Немировичъ-Давченко посвящаетъ слѣдующее захватывающее описаніе дѣятельности студенческой молодежи на войнѣ ¹⁾:

„Сегодня — о студентъ-санитарѣ. Вотъ уже полгода, какъ я его вижу, и чѣмъ далѣе, тѣмъ выше мое уваженіе къ нему.

Подъ Лодзью, между окопами.

Самыя опасныя мѣста. Солдаты зарылись въ землю съ обѣихъ сторонъ. Ни одинъ изъ нихъ не приподнимаетъ головы, потому что вровень съ краями этой траншеи воздухъ низутъ дули. Кажется, во всякомъ атомѣ его таится смерть. Отъ нашихъ до нѣмецкихъ окоповъ шаговъ пятьсотъ-шестьсотъ. Иногда гораздо больше, иногда меньше. Тамъ все — какъ на ладони, на этомъ роковомъ промежуткѣ, и оттуда несутся вопли и стоны. Раненые умоляютъ подобрать ихъ, вынести. Въ страшной мукѣ они и не сообразятъ, что къ нимъ добраться можно, только рискуя головой. Развѣ еще ночью. Да и ночью по всей этой „долинѣ смерти“ работаютъ прожекторы. Подъ ихъ синеватымъ свѣтомъ выступаютъ и уже недвижими, мертвыми лица, и люди, еще переживающіе агонію... Кто пойдетъ туда до общей атаки, когда или непріятель, или мы рѣшаются на штыковой ударъ? Никто, кромѣ студента-санитара. Съ чарующей и воодушевляющей всехъ смѣлой улыбкой молодости, часто въ порывахъ безумія храбрыхъ, а то спокойно, какъ на самое обыкновенное дѣло, они идутъ за эти пороги смерти и на носилкахъ выносятъ оттуда раненыхъ. О, сколько уже сраженныхъ бойцовъ обязаны имъ своимъ спасеніемъ! Нѣтъ носилокъ, — на шинеляхъ, на рукахъ. Въ самомъ кипячкѣ штыкового боя ихъ видятъ за тѣмъ же святымъ, великимъ дѣломъ. И теперь, когда я пишу это, спазмы схватываютъ мое горло, слезы, непрошенныя, даже досадныя, туманятъ глаза... Какая это молодежь, что за чудесныя сердца! Къ перевязочнымъ передовымъ пунктамъ и днемъ, и ночью, подъ обстрѣломъ, подъ осыпями шрапнели, подъ пулеметами, идутъ они съ своей ношей... Откуда они берутъ силы? Я былъ свидѣтелемъ такихъ случаевъ, когда студенты-санитары всю ночь дѣлали это, не отдыхая ни на минуту... А если и можно отдохнуть, — падаютъ вповалку на грязную, затоптанную, гниющую, пропитанную кровью солому. Отказываютъ себѣ въ стаканѣ чая, потому что онъ нуженъ раненому рядомъ. Только развѣ

¹⁾ „Русск. Слово“ 8 апрѣля с. г.

когда они напоены и накормлены, уложены и успокоены. студентъ-санитаръ поваботится, наконецъ, и о себѣ.

Въ тифозномъ царствѣ оставленныхъ нѣмцами зараженныхъ мѣстъ, среди гнѣющихъ, изорванныхъ труповъ, вироголодь, безъ-устали работаетъ студентъ-санитаръ. Были и такіе между ними, которые, узнавъ, что въ чертѣ, занятой непріателемъ, остались наши раненые, ночью шли туда, ползали отъ тѣла къ тѣлу, чутко прислушивались: не дышитъ ли, не стонетъ ли кто-нибудь на этихъ Голговахъ? Озвѣрѣвшіе нѣмцы отдаютъ имъ должную справедливость. Плѣнный офицеръ ихъ говорилъ: „Это — настоящіе герои. Имъ нужно мужества больше, чѣмъ солдату, который чувствуетъ локтемъ товарища“... А сколько такихъ осталось въ постыдномъ плѣну! Не хотѣли бросить нашихъ. Иногда свертывались и уходили санитарные отряды, — студенты шли назадъ за еще не подобранными! Да, эти могутъ вернуться домой съ гордо поднятой головой. Они поработали на общей страдѣ. Георгіевскія ленточки на ихъ груди не даромъ достались этой молодой благородной Россіи... Много изъ нихъ легло въ братскія могилы истинными и послѣ смерти товарищами такихъ солдатъ и офицеровъ, какихъ до этой войны еще не видѣла наша родина, а, вѣдь, ея не удивишь ими!

И въ спокойную пору, въ заваретахъ, въ санитарныхъ повѣздахъ, студентъ-санитаръ не отходитъ отъ постели раненаго. Служить ему, чѣмъ можетъ. Читаетъ, пишетъ ему письма, отводитъ его муку смѣхомъ, сказомъ и лаской... Да! — Вся Россія, отъ мала до велика, здѣсь, на боевыхъ поляхъ, въ боевомъ огнѣ, въ боевой истомѣ, въ неизбытной устали, на святомъ подвигѣ...

И послѣ этого есть жалкія и мелкія душонки, смѣющія сомнѣваться въ нашей побѣдѣ! Въ торжествѣ свѣта надъ тьмою, доблести и великодушія надъ варварствомъ, свободы и права надъ рабствомъ и насиліемъ... Нужно быть здѣсь и видѣть все, чтобы гнилая накипь, какъ подлая плѣсень, сползла съ воскресшаго сердца“...

Ограничительныя мѣры, принятыя для борьбы съ нѣмецкимъ торговымъ засильемъ, какъ выяснилось на практикѣ, недостаточны. Неотложно необходимо для дѣлъ акціонерныхъ предприятий постановленіе, которое лишало бы права участія въ разрѣшеніи дѣлъ такихъ обществъ не только подданныхъ воюющихъ державъ, но и всѣхъ лицъ, не бывшихъ до дня объявленія войны собственниками предъявляемыхъ ими акцій.

9 апреля. Какими сильными строками описываетъ В. И. Немировичъ-Данченко на боевыхъ позиціяхъ ¹⁾ современное состояніе духа доблестной, русской, арміи:

„Вся эта новь, моремъ мужицкой чудесной мощи навалявшая сюда, ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ нашихъ павшихъ славныхъ героевъ первыхъ битвъ съ невоинными врагами. Рядомъ съ ней наши культурные слои выслали сюда такихъ же, какъ и богатыри земской глубы, бойцовъ. Та же непоколебимая вѣра въ побѣду, во что бы то ни стало, чего бы это ни стоило,—въ побѣду, которая должна быть, безъ которой нельзя ни дышать, ни думать, ни жить. Та же готовность на усталъ, на голодъ, на смерть. Скажу больше: даже на ошибку, неизбежную въ каждомъ громадномъ, многогранномъ дѣлѣ, гдѣ порою успѣхъ въ одномъ мѣстѣ омрачается частичною неудачей въ другомъ. Тутъ, на боевыхъ позиціяхъ, въ боевомъ районѣ, никто не приходитъ въ отчаяніе отъ того, что гдѣ-нибудь случится промахъ. Знаютъ, что такіе неизбежны, и впередъ мирятся съ нимъ. Онъ никого не пугаетъ. Не опускаются головы, не слабѣютъ сердца. Изъ-подъ молота огненными брызгами разлетаются во все стороны ненужные шлаки, и отъ его ударовъ смыкается и крѣпнетъ доброе желѣзо. Я видѣлъ здѣсь нашихъ бойцовъ и въ лазаретахъ, и въ окопахъ, и на походѣ, и на бивуакѣ... За нихъ бояться нечего. Это—настоящій народъ, въ высочайшемъ смыслѣ этого слова. И мужество его сознательно, осмысленно. Подлое слово „пушечное мясо“ надо сдать въ архивъ. Это—сила разумная, знающая, за что и на что она идетъ. Ей не только ясно, но и святы и подвигъ, и смерть, и мучительный путь къ вѣчному торжеству права и правды. Она не только повинуется потому, что ее ведутъ на поля битвъ,—она хочетъ этихъ битвъ, заранѣе подготовилась къ ней, и въ этомъ ея поразительное различіе съ тѣмъ, что я наблюдалъ въ прошлыя войны, свидѣтелемъ которыхъ меня сдѣлала моя долгая жизнь. О, Господи! Чего нельзя сдѣлать съ такими солдатомъ и офицеромъ! Вѣдь у насъ еще никогда не было такихъ. Значить, не одно войско оздоровѣло, окрѣпло. Вѣдь, оно сейчасъ—только окраина, оборона народа. Если таковы и солдатъ, и офицеръ,—каждому ясно, что за ними такъ же сильна, такъ же здорова, такъ же неодолима вся земская родная глубь. На больной почвѣ не растетъ крѣпкое дерево. И бы хотѣлъ передать, перелить въ самое сердце чита-

¹⁾ „Рус. Слово“ 8 апреля с. г.

телю ту радость, которая наполняетъ меня въ эту минуту, ту стремительную, не уклоняющуюся ни въ какую сторону вѣру въ нашу побѣду, въ святую побѣду, которая не намъ однимъ, но и всѣмъ обиженнымъ, ограбленнымъ и слабымъ дастъ счастье и покой. Съ этой вѣрой легко встрѣтить и ненастье. Пусть несутся грозныя тучи, и гремятъ небесныя громы. Въ нихъ рождается весна, воскрешающая жизнь. За ними—солнце, съ его тепломъ и свѣтомъ. И прожилъ долгую жизнь. На моей памяти раскрѣпостилась Россія. Наканунѣ моего конца раскрѣпощается подъ ея мощной рукой вся Европа. Хищническіе кошмары германскаго заселія, какъ почной туманъ, сползаютъ прочь. Я счастливъ, безконечно счастливъ тѣмъ, что моя великая родина является теперь тѣмъ мѣднымъ змѣемъ Моисея, отъ одного взгляда на который спасались всѣ обреченныя гибели, смерти, страданію. И, оглядываясь назадъ, я вижу, что такой ослѣпительной всемірной цѣли служило все, —и наши пораженія въ прошломъ, потому что мы на нихъ учились, и наши несчастья, ибо они были спасительными ударами молота, сбивавшими насъ въ одну несравненную мощь“.

10 апрѣля. Въ печати не былъ надлежащимъ образомъ отмѣченъ разговоръ Вильгельма съ директоромъ Американско-Гамбургской пароходной компаніи:

— Разъясните американцамъ, сказалъ кайзеръ,—что я не виновенъ въ этой войнѣ; во все свое царствованіе я былъ самымъ горячимъ сторонникомъ мира; благодаря мнѣ, Европа наслаждалась спокойствіемъ. Во всемъ виноватъ Грей, который скрылъ отъ насъ, что Англія присоединится къ коалиціи, и подтолкнулъ Бельгію оказать намъ сопротивленіе. Если бы мы это знали, развѣ мы рѣшились бы на войну? Все дѣло можно было бы закончить международной конференціей.

Въ нашихъ замѣткахъ за прошлый мѣсяць было указано, съ какой головокружительной быстротой происходитъ въ воюющихъ арміяхъ смѣна военачальниковъ.

Повидимому, эта смѣна происходитъ при неуравновѣшенномъ, порывистомъ, состояніи духа.

Насколько можно судить изъ газетъ, чтенія дневниковъ, попадающихъ отъ плѣнныхъ разныхъ армій, еще не созданъ надлежащій противовѣсъ смѣны боевыхъ дѣятелей. И гово-

риль о томъ, что на все нужна опредѣленная система. Если надо быстро смѣнить недостойныхъ, то еще быстрѣе надо выдвигать достойныхъ.

Тщательно стараясь изучить записки, дневники плѣнныхъ, корреспонденціи разныхъиностранныхъ газетъ, я не нашелъ ни малѣйшаго намека на это намѣреніе. Очевидно, эта система дѣйствуетъ односторонне.

11 апрѣля. Слышалъ отъ очевидца выступленія австрійскаго гарнизона изъ Перемышля. Гарнизонъ рѣзко отличался двумя своими частями. Въ венгерскихъ и австрійскихъ частяхъ офицеры и солдаты слѣдовали веселые и сытые. За офицерами шли повозки съ офицерскимъ имуществомъ, причемъ въ числѣ ихъ вещей преобладали принадлежности туалета и роскоши. Другая часть, изможденная и худая, плелась безъ повозокъ. Это были славянскія части.

Возвратившіяся изъ германскаго плѣна наши сестры мило сердця рассказывали, что русскіе плѣнные получаютъ вмѣсто пищи картофельную шелуху, при чемъ, когда они идутъ получать эту пищу, нѣмцы по пути подгоняютъ ихъ длиннымъ бичемъ, а во время работы колютъ штыками. Ежедневно десятки плѣнныхъ умираютъ отъ лишеній, тяжелаго труда и жестокаго обращенія. Нѣмцы читаютъ и переводятъ нашимъ бѣднымъ солдатамъ сообщенія о своихъ воображаемыхъ побѣдахъ, но русскіе знаютъ, что это ложь, и надѣются на лучшее. Русскіе офицеры умоляли сестеръ сообщить въ Россію обо всемъ этомъ и подчеркнуть, что нѣмецкій плѣнъ хуже ада.

Въ одной изъ корреспонденцій ¹⁾ приводится такая сценка изъ жизни въ окопахъ:

— Ребята!—говорили офицеры дозорнымъ.—Смотри въ оба за нѣмцемъ. Остальные будь наготовѣ.

А пули нѣмецкія такъ и жалили, такъ и жалили. Съ насыпи земля летѣла въ окопы, какъ-будто кто изъ-за окоповъ

¹⁾ „Русское Слово“, 11 апрѣля сего года.

кидалъ пригоршнями. Попадали пули и близъ бойницъ, насыпали ихъ,—приходилось то-и-дѣло расчищать ихъ. Одну бойницу особенно засыпало.

— Мѣткій сидитъ тамъ,—сердилася нашъ сторожевой.—Норовить, знать, попасть въ бойницу. Надо будетъ придѣлать какой щитокъ: изъ лопаты или осколка снаряда.

Сталъ-было расчищать въ десятый разъ; только очистилъ просвѣтъ,—вдругъ „бѣлая животина“ какъ хватить солдата за шею; тотъ даже вскрикнулъ:

— Проклятая! Хуже вѣмца!

И подался въ сторону, отогнулъ голову, чтобы удобнѣе было изловить „животину“. Нѣмецкая пуля въ это время угодила въ бойницу и прямо солдату въ открытѣй ротъ, пронизала ему щеку и сзади впилась въ землю, откуда посыпался песокъ. Солдатъ, тѣмъ временемъ изловившій звѣря у себя на шеѣ, понялъ, что, не отшатнись онъ на мгновение отъ бойницы, пуля положила бы его на мѣстѣ. Поэтому онъ поднесъ между пальцами добычу ближе къ глазамъ и сказалъ:

— Ну, звѣрюга, ты мнѣ спасла жизньъ,—не буду же и я казнить тебя. Живи!

И солдатъ сунулъ свою добычу обратно за шиворотъ:

— Гуляй до слѣдующаго раза... Какъ, можетъ-быть, и я до слѣдующей пули.

Сегодня въ петроградской судебной палатѣ ¹⁾ разсматривалось въ апелляціонномъ порядкѣ дѣло завѣдующаго четвертымъ военно-конскимъ участкомъ въ Везенбергскомъ уѣздѣ, Эстляндской губерніи, барона Деллинггаузена, приговореннаго ревельскимъ окружнымъ судомъ за злоупотребленія во время военно-конской мобилизаціи въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 2½ года съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Въ палатѣ были передопрошены, по ходатайству подсудимаго, свидѣтели обвиненія, а также были допрошены свидѣтели защиты. Палата оправдала барона Деллинггаузена въ превышеніи власти, имѣвшемъ особо важныя послѣдствія, признала виновнымъ въ подлогѣ и приговорила къ заключенію въ крѣпости на 1 годъ 4 мѣсяца съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ.

¹⁾ „Нов. Вр.“, 11 апрѣля сего года.

Недавно видѣлъ на Благовѣщенской ул. мальчика лѣтъ 12, украшеннаго георгіевскимъ крестомъ за развѣдку и теперь причисленнаго къ оставшейся части л.-гв. коннаго полка. Мальчуганъ выглядываетъ настоящимъ молодцомъ - развѣдчикомъ и собирается опять на войну.

Одинъ русскій ученый лѣсоводъ имѣлъ очень интересную бесѣду съ главнымъ лѣсничимъ имѣнія князя Горчакова Коростышевъ, въ 20 верстахъ отъ Житомира. Этотъ лѣсничій, по фамиліи Гейманъ, конечно, нѣмецъ, съ откровеннымъ цинизмомъ заявилъ русскому ученому на его вопросъ, почему въ огромномъ краѣ нѣтъ ни одного русскаго лѣсничяго:

— А вы думаете, мы пустимъ сюда русскаго? Здѣсь все нѣмцы, и все наъ саксонской лѣсной академіи. Мы намѣчаемъ къ себѣ помощниковъ лѣсничихъ уже тамъ, среди студентовъ, такъ что они пріѣзжаютъ сюда уже на готовые мѣста. Здѣсь— саксонская академія!

И эта „академія“ составляла передовой нѣмецкій отрядъ, оказавшій, по всеѣмъ вѣроятностямъ, немаловажныя услуги германской арміи.

12 апрѣля. Наши артиллерійскіе офицеры выдѣлываютъ чудеса а на наблюдательныхъ пунктахъ, а потому, согласно георгіевскому статуту, зачастую удостоиваются, высокихъ, боевыхъ наградъ.

Недавно намъ пришлось слышать, какъ одинъ офицеръ для своихъ наблюденій пристроился у самаго конца высокой фабричной трубы и оттуда по телефону сообщалъ дивныя свѣдѣнія о расположеніяхъ и движеніи германцевъ. Наконецъ таки германцы направили сильный артиллерійскій огонь противъ фабричной трубы. Несмотря на указаніи слѣзть, офицеръ не покидалъ своего поста. Наконецъ таки съ большимъ трудомъ нѣсколькимъ смѣльчакамъ удалось его снять съ совершенно отекившими ногами и въ обморочномъ состояніи; лишь только онъ слѣзъ, труба рухнула, подбита нѣмецкими снарядами.

Въ настоящее время вышла книга „Кайзеръ безъ маски“. Она принадлежитъ перу графа Акселя фонъ-Шверинга, друга дѣтства и близкаго совѣтника кайзера. Недавно „Записки“ фонъ-Шверинга были опубликованы въ англійскомъ журналѣ „Cassels

Magazine⁴. Онѣ составлены въ формѣ дневника, въ которомъ сообщаются бесѣды автора съ кайзеромъ, имѣвшія мѣсто непосредственно передъ войной. Графъ фонъ-Шверингъ, какъ говорится въ предисловіи, покончылъ жизнь самоубійствомъ. Онъ не могъ примириться съ навлинувшейся кровавой войной и смертью выразилъ свой протестъ.

28-го іюля 1914 года фонъ-Шверингъ записалъ въ своемъ дневникѣ: „Я пишу подъ впечатлѣніемъ рѣчи, произнесенной Вильгельмомъ II толпившемуся у дворца народу. Иногда мнѣ кажется, что все это не болѣе, какъ отвратительный кошмаръ, который долженъ исчезнуть безвозвратно и пробужденіе отъ котораго вернетъ меня къ дѣйствительности и прежнему душевному спокойствію. Такъ вотъ онъ, монархъ, которому я служилъ, котораго я обожалъ и которому безконечно довѣрялъ. Я видѣлъ въ немъ чистаго, добросовѣстнаго человѣка, работавшаго на благо и процвѣтаніе своей страны, и вдругъ этотъ самый человѣкъ такъ внезапно превратился въ коварнаго, лицемернаго и хитраго обманщика, въ теченіе многихъ лѣтъ втихомолку работавшаго надъ этимъ чернымъ дѣломъ“...

При слѣдующей встрѣчѣ съ кайзеромъ послѣдній старался пояснить фонъ-Шверингу перемѣну своей позиціи. „Я былъ миролюбивъ только потому,—говорилъ онъ,—что мы не были готовы. Я считалъ преступленіемъ начинать войну даже съ 99 проц. шансовъ на побѣду. Германія, которую ненавидятъ всѣ и которой завидуютъ, не должна проигрывать въ чемъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе въ войнѣ. Я старательно взвѣшивалъ всѣ возможности и случайности, и пока являлся хоть одинъ шансъ на пораженіе, я откладывалъ выполненіе своего плана, зародившагося еще въ дѣтствѣ, когда мы съ вами мечтали о Германской имперіи, болѣе великой, чѣмъ нынѣ существующая. Мнѣ стоило 25 лѣтъ работы для созиданія прочнаго основанія, для того шага, который я, наконецъ, рѣшился предпринять нынѣ. Въ теченіе всѣхъ этихъ долгихъ лѣтъ я ни на одну минуту не забывалъ о своемъ великомъ назначеніи, которое долженъ былъ или выполнить, или погибнуть... Я перенесъ оскорбленія и нападки панславистовъ и франкофиловъ. Я терпѣливо внималъ враждебнымъ рѣчамъ, умаляющимъ боевыя качества моей арміи и обсуждающимъ возможность ея пораженія; я молчалъ, видя образовывавшіеся грозные союзы, ставившіе себѣ цѣлью уничтоженіе престижа и могущества Германіи; я мирился съ безчисленными выкриками печати всѣхъ странъ о томъ, что само существованіе Германіи является

угрозой спокойствію Европы и что всѣ народы, какъ одинъ, должны были бы съ гнѣвомъ возстать на нее для защиты своихъ правъ. Каждое изъ этихъ почти ежедневныхъ оскорбленій про- низывало мое сердце, какъ раскаленное желѣзо, но ни однимъ словомъ, ни однимъ взглядомъ я не обнаружилъ своей уязви- мости. Я былъ спокоенъ, ибо зналъ, что приближается часъ расплаты и недалекъ день, когда монархи будутъ вынуждены признать, что Германія—могущественнѣйшая страна всего міра, и что ея монархъ—величайшій изъ владетельнонъ.

Н. Маринъ прекрасно описываетъ ¹⁾ постановку минъ рус- скими заградителями у Босфора:

„Какъ на прогулку, одинъ за другимъ потянулись по морю окрашенные въ защитный цвѣтъ заградители, взявъ курсъ прямо на Босфоръ.

Заградители появились въ турецкихъ водахъ съ такимъ расчетомъ, чтобы у мѣста постановки предположеннаго минаго награжденія быть ночью.

Время было выбрано удачно: передъ новолуніемъ. Ночи стояли темныя, такъ что въ двухъ кабельтовахъ уже ничего не было видно. Кромѣ того, небо заволкли тучи, моросилъ мелкій дождь.

Заградители шли, не видя другъ-друга; о мѣстонахожденіи конвоировъ-миноносцевъ можно было только догадываться.

Чтобы не растеряться, заградители и миносцы дѣйство- вали въ эту ночь, какъ автоматы, по строго намѣченному рас- писанію.

Только при этихъ условіяхъ можно было избѣжать несчастья.

Постановка минъ отняла нѣсколько часовъ, и свою работу всѣ заградители окончили одновременно, минута въ минуту.

Затѣмъ легли на обратный курсъ.

Задача была выполнена настолько точно, что къ разсвѣту всѣ заградители и миносцы оказались на указанномъ имъ мѣстѣ.

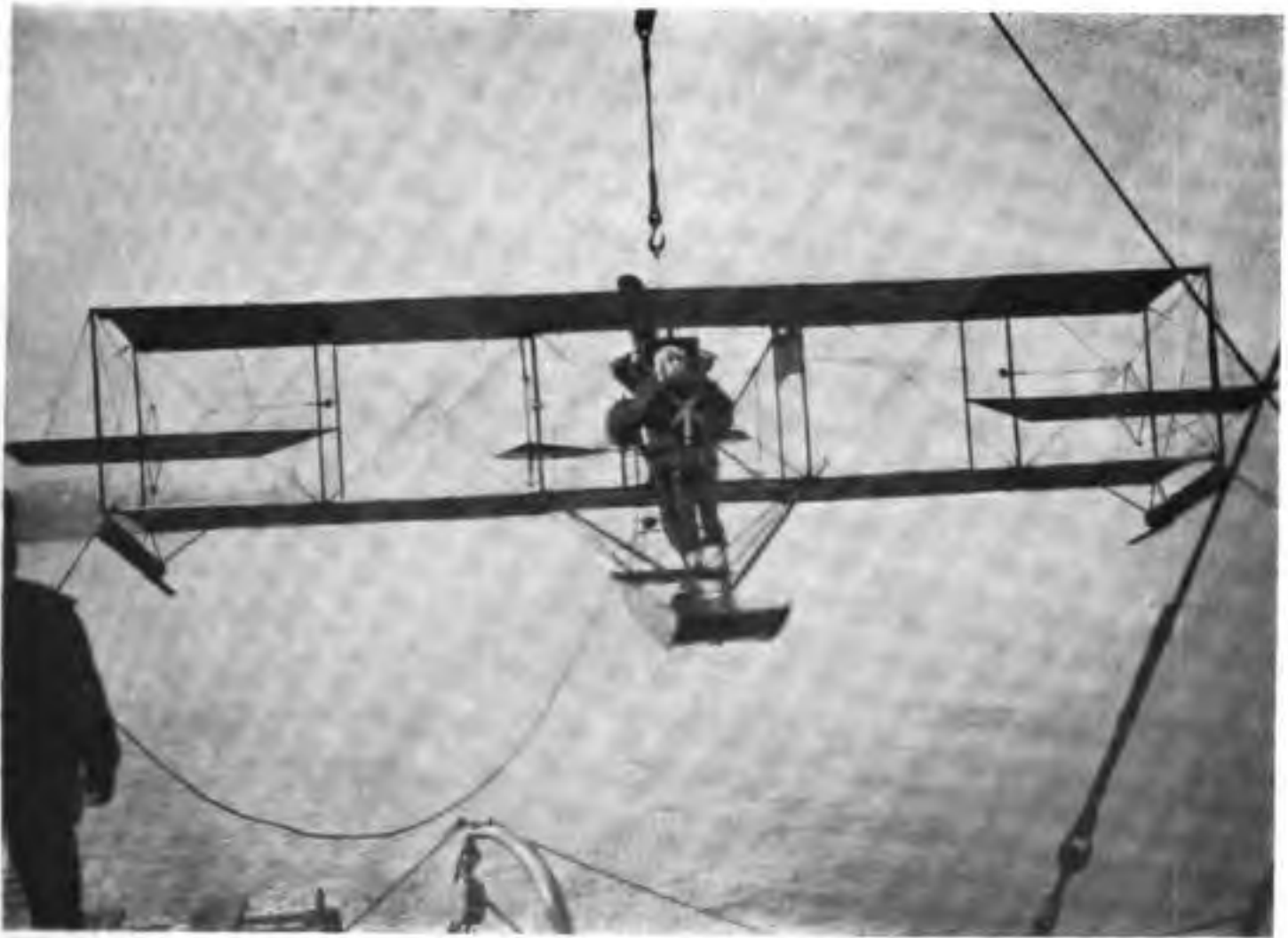
Когда минные заградители возвращались, трудно было за- ставить себя повѣрить, что все обошлось благополучно.

На морѣ, далеко у горизонта появились дымки. Разъ, два, и т. д.

— Всѣ заградители цѣлы!..

За ними еще дымъ миносцевъ.

¹⁾ „Русское Слово“, 12 апрѣля сего года.

Гидропланъ передъ развѣдкой.

Наковецъ, обрисовались силуэты нашихъ транспортовъ, и тогда всѣ выдохнули свободно,—миновала большая опасность.

Минные заградители вернулись благополучно, разбросавъ у Босфора много минъ.

Ночная работа при неблагоприятной бурной погодѣ, конечно, не могла обойтись безъ жертвъ. Съ одного заградителя погибло двоѣ матросовъ.

Но эта жертва оказалась не напрасной. Какъ-разъ на новомъ минномъ загражденіи вскорѣ подорвался и едва не погибъ дредноутъ „Гебенъ“. Затѣмъ тамъ же послѣдовательно подорвалось и погибло нѣсколько мелкихъ турецкихъ судовъ.

Этотъ ударъ герmano-турецкому флоту былъ нанесенъ вовремя. „Гебенъ“ только-что оправился отъ поврежденій, причиненныхъ ему нашимъ флотомъ въ бою 5-го ноября 1914 года, и началъ снова проявлять свою дѣятельность въ Черномъ морѣ.

Незамѣтная, неизвѣстная широкимъ кругамъ дѣятельность нашихъ заградителей и другихъ судовъ, въ концѣ концовъ, позволила нашему флоту, прекративъ охрану своего побережья, уйти къ Анатолиіи и осуществить самую строгую блокаду, которая привела къ полному разгрому турецкихъ армій на кавказскомъ фронтѣ.

Во все время боевыхъ операцій Черноморскаго флота ему оказывали громадную услугу наши гидропланы. Въ прилагаемой фотографіи изображенъ гидропланъ передъ развѣдкой.

Въ 1901 году, во время поѣздки по дальнему сѣверу, мнѣ пришлось прослѣдовать по Онежскому тракту и познакомиться съ начальникомъ одной изъ почтово-телеграфныхъ станцій этого тракта г. Назарьинымъ, мѣстнымъ Нимвродомъ. Онъ убилъ такое громадное количество медвѣдей, что мѣстные жители поднесли ему жетонъ съ надписью за медвѣдой.

Когда я ему предложилъ вопросъ, какимъ способомъ онъ свершаетъ свою охоту,—онъ отвѣчалъ:

— Очень просто. Подпускаю медвѣдя на 12 шаговъ и стрѣляю между глазъ.

Весною получилъ отъ него просьбу помочь ему устроиться въ дѣйствующей арміи. Мое ходатайство было уважено, и недавно я получилъ отъ него письмо, что онъ, въ свободное отъ службы время, обстрѣливаетъ неприятельскіе аэропланы.

13 апреля. Нашъ извѣстный военный писатель передаетъ, какъ ведутъ себя въ бою юные прапорщики, прошедшіе сокращенный курсъ военнаго училища:

Одинъ раненый баталіонный командиръ назвалъ юныхъ прапорщиковъ мѣткимъ словомъ „Орленки“.

— Представьте себѣ мое положеніе, рассказывалъ онъ:—все мои офицеры въ одномъ горячемъ дѣлѣ буквально выбыли изъ строя, а тутъ предстояла сложная атака непріятельскихъ укрѣпленныхъ позицій. Пришлось ротами командовать прапорщикамъ. Я ихъ учу, учу, а самъ думаю: провалятъ дѣло. Однако вышло какъ разъ наоборотъ... Выходятъ мои юнцы передъ свои роты: осанка бравая, глаза горятъ, душа ходитъ, какъ говорится... Люди сразу это чувствуютъ, видятъ „молодыхъ господъ“ глазами; въ маневрированіи слушаются; а когда дошло дѣло до штыковъ,—откуда, думаю, мои мальчики этихъ жестовъ начальническихъ набрались?... — Братцы! кричитъ одинъ.—Съ нами Богъ! Дружно за мной!.. Можете себѣ представить эту штыковую бурю? Дѣло было сдѣлано на чистоту...

14 апреля. Сообщаютъ¹⁾, что въ официальномъ органѣ Бессарабской губерніи печатаютъ списки земскихъ избирателей для новыхъ выборовъ, и по-прежнему въ нихъ красуются нѣмцы, черезъ годъ теряющіе свои земли, а вмѣстѣ съ ними право на выборы.

Промелькнули нѣкоторыя извѣстія о высадкѣ турокъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ²⁾. Турецкій миноносецъ подошелъ къ берегу Аккерманскаго уѣзда и высадилъ разъездъ въ 25 человекъ. Турки были встрѣчены учителемъ нѣмецкой школы селенія Дозырянновки Простомъ. Какіе переговоры происходили между нимъ и высадившимся нѣмецкимъ офицеромъ съ десантомъ—неизвѣстно, такъ какъ бывшіе при этомъ двое русскихъ были турками арестованы и отправлены на миноносецъ. Послѣ переговоровъ турки арестовали вахмистра, который находился въ одномъ изъ домовъ селенія, подойдя прямо къ этому дому, и отправились далѣе на усадьбу Шульца. Ни учитель, ни староста объ этой высадкѣ по телефону властямъ не сообщили.

Господинъ Шульцъ, состоящій главнымъ поставщикомъ де-

¹⁾ „Нов. Вр.“, 14 апреля сего года.

²⁾ „Нов. Вр.“, 14 апреля с. г.

негъ вѣмецкимъ колонистамъ по скупкѣ земель, угощаль обѣдомъ турокъ и кормилъ ихъ лошадей.

Когда же производили дознаніе, то до этого Шульцъ собралъ рабочихъ и заявилъ имъ, что если они покажутъ, что турки у него обѣдали, то они тоже будутъ наказаны, такъ какъ они кормили непріятельскихъ лошадей, а потому лучше-де отказать отъ показаній объ ихъ пребываніи въ экономіи...

Для охраны особы Шульца былъ назначенъ стражникъ. Телефонной сѣтью уѣзда завѣдуетъ нѣмецъ Мучлеръ и помощникъ его нѣмецъ Гассертъ. Кто же оказался виновникомъ сего событія? Оказалось, что это была русская мѣстная телефонистка.

Мѣстная телефонистка, которая находилась на телефонной станціи, не видѣвшая даже разѣзда, и узнавшая о высадкѣ по слухамъ около 12 час. дня, сочла долгомъ сообщить объ этомъ въ Аккерманъ, и конечно, не зная точно количества находившихся, заявила, что турокъ много. За сообщеніе неправильныхъ свѣдѣній она была немедленно уволена, по рѣшенію нѣмецкаго завѣдующаго телефономъ, и замѣнена нѣмкой. Остальные всѣ, а равно и прдерержащія власти оказались безответственны въ этомъ предпріятіи турокъ.

15 апрѣля. Воспроизводимъ въ точности помѣщенную въ „Русскомъ Словѣ“, отъ 15 апрѣля, телеграмму изъ Копенгагена о большомъ военномъ совѣтѣ въ германской главной квартирѣ. „По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ Копенгагенѣ, въ главной германской квартирѣ на западномъ фронтѣ состоялся большой военный совѣтъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ кайзера, при участіи прусскаго и баварскаго кронпринцевъ и герцога Вюртембергскаго, а также всѣхъ командующихъ арміями западнаго фронта и спеціально приглашеннаго фельдмаршала Гинденбурга.

Военный совѣтъ длился почти двое сутокъ. Положеніе обсуждалось со всѣхъ сторонъ. Принять рядъ важныхъ рѣшеній.

Гинденбургъ согласился съ предложеніемъ перевести значительныя части войскъ съ восточнаго фронта на западный. Онъ заявилъ, что ослабленіе восточнаго фронта въ данный моментъ не опасно, такъ какъ разливы рѣкъ и бездорожье исключаютъ возможность предпріятій въ крупномъ масштабѣ.

Рѣшеніе о переводѣ части войскъ немедленно было приведено въ исполненіе, и сейчасъ идетъ непрерывная отправка транспортовъ съ войсками съ востока на западъ⁴.

Обращаемъ особое вниманіе нашихъ читателей на эту телеграмму, сфабрикованную германцами. Предварительно надо выяснитъ, что телеграммы изъ центральныхъ странъ Даніи, Швеціи, Швейцаріи и Румыніи въ общемъ не заслуживаютъ никакого довѣрія, такъ какъ онѣ составляются германскимъ генеральнымъ штабомъ исключительно для шантажа и обмана. А эта телеграмма представляетъ верхъ наглости германцевъ. Въ то самое время, когда германскій, краковскій, кулакъ уже занесенъ надъ Галиціей, и дѣло выясненія обстановки и крупныхъ военныхъ событій на восточномъ фронтѣ вопросъ нѣсколькихъ дней, германскій генеральный штабъ съ невѣроятнымъ цинизмомъ утверждаетъ, что на восточномъ фронтѣ *разливъ рѣкъ и бездорожье исключаютъ возможность предпріятій въ крупномъ масштабѣ, а потому сейчасъ идетъ непрерывная отправка транспортовъ съ войсками съ востока на западъ.*

Кажется, въ дѣлѣ наглости и шантажа далѣе вѣдти нельзя.

Предлагаемъ вниманію читателя провѣрить наше заключеніе послѣдующими военными событіями.

Обращаемъ также вниманіе читателей на книгу нѣмецкаго финансиста Гельфрейха—25 лѣтъ (1888—1913) нѣмецкаго промышленно-торговаго разсвѣта. Сочиненіе это заслуживаетъ самаго широкаго распространенія въ Россіи. Изъ него ясно можно понять, почему произошла война и почему нѣмцы такъ были увѣрены въ побѣдѣ. Въ 1887 году одно только желѣзодѣлательное производство Германіи выразилось въ 1000 тоннахъ—4,024, а въ 1912 году оно въ $\%$ отношеніи увеличилось на 343,6.

Нѣмецкій достатокъ, только подлежащій страховкѣ въ 1913 г., выразился въ 335 милліардовъ, а доходность всего нѣмецкаго предпріятія въ 43 милліарда.

Умѣвши высосать отъ сосѣдей такую уйму денегъ, нѣмцы съ ихъ помощью и съ помощью своей милитаризированной промышленности вздумали покорить всю Европу.

По заявленію самихъ германцевъ, съ самымъ началомъ войны нѣмецкіе фабрики и заводы приспособлены: кто дѣлаетъ оружіе, кто снаряды, кто аммуницію, кто консервы, кто обувь.

Это идетъ съ начала войны. Вотъ почему она такъ упорна и почему союзникамъ настоятельно надо закрыть подвозъ сырья въ Германію.

Насколько намъ извѣстно, изъ нашихъ союзниковъ уже къ войнѣ приспособилась промышленность Франціи, приспособляется промышленность Англии и когда-то очередь дойдетъ и до Россіи.

17 Апрѣля. На дняхъ министерство путей сообщенія, произведя разслѣдованіе, должно было сознаться, что грузы со скотомъ и мясомъ задерживаются на дорогѣ.

Министерство не установило однако, кѣмъ эти задержки устраиваются, и заявило только, что желѣзнодорожные чины къ этому дѣлу не причастны.

Сообщеніе министерства совершенно неожиданно дополнилъ предсѣдатель петроградской мясной биржи Н. А. Пузыревъ, который въ бесѣдѣ, напечатанной сегодня въ одной изъ утреннихъ газетъ, откровенно сказалъ, что скоть задерживался прасолами въ виду „низкой“ таксы и что теперь, когда биржевому комитету удалось „убѣдить продовольственную комиссію въ необходимости повысить цѣны до 9 руб. 50 коп. за пудъ“, скоть скоро прибудетъ въ Петроградъ ¹⁾.

Для предохраненія отъ холеры рекомендуютъ носить на голѣмъ тѣлѣ на тесемкѣ, подъ ложечкой, расплющенную копѣечную монету.

18 апрѣля. Рассказываютъ, что нѣкоторые петроградскіе домовладѣльцы-нѣмцы возбуждали ходатайство объ изъятіи принадлежащихъ имъ недвижимостей отъ дѣйствія закона о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣнія.

Въ обзорѣ военныхъ дѣйствій съ 1 по 18 апрѣля придется отмѣтить начавшуюся во второй половинѣ апрѣля наступательную дѣятельность германцевъ (вѣроятно, демонстративную) у Шавель, Россіенъ и на р. Дубиссѣ,—далѣе идутъ очередныя

¹⁾ „Веч. Вр.“ 17 апрѣля с. г.

дѣла къ западу отъ Нѣмана, въ районѣ Маріамполя, Кальваріи, у Осовца, у Прасныша, Еднорожца, Ваха, по р. Оржицу, Писсѣ и Шкаѣ. На Карпатахъ бои, прежняго напряженія, на знакомыхъ мѣстахъ, которыя располагаю въ порядкѣ алфавита: Бартфельдъ, Буковецъ, Волосате, Зусла, Козювка, Лутовиска, Оранчикъ, Орашъ, Полева, Рожанка, Ростокъ, Строико, Стрый, Сянки, Толепочъ и Ужокъ. Дѣйствія наши въ этихъ мѣстахъ сопровождались взятіемъ 6.155 нижнихъ чиновъ и 104 офицеровъ.

Петроградскому обывателю трудно понять своимъ обывательскимъ разумомъ, почему это обѣ стороны на Карпатахъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тщетно стараются расшибить себѣ лбы, неистово стараясь, пробиться въ тѣснинахъ Карпатскихъ проходовъ. Досужливые иностранные корреспонденты сообщали не разъ, что одинъ талантливый полководецъ предлагалъ не одинъ разъ начать нажимъ съ Дуклы, и тогда бы все остальные проходы открылись по мановенію руки, но что его де слушать не хотѣли.

Въ Буковинѣ боевыя дѣянія были сопряжены со знакомыми именами Залещиковъ, Палворной и Черновиць.

На Кавказѣ турки толкались и отражались въ Артвинскомъ, Ольтинскомъ и Приморскомъ направленіяхъ, въ Зачорохскомъ краѣ, Алашкертской долинѣ и Азербейжанѣ.

Мудрая голова Кавказскаго руководителя нигдѣ не давала туркамъ одержать успѣха.

На Черномъ морѣ 12-го апрѣля Черноморскій флотъ бомбардировалъ форты Босфора. На одномъ изъ фортовъ были замѣчены большіе взрывы. Одинъ изъ турецкихъ броненосцевъ, находившійся въ проливѣ, безрезультатно отвѣчалъ на нашъ огонь.

Черноморскими миноносцами бомбардировался Зуизулакъ, и топились турецкіе пароходы и парусники съ углемъ у береговъ Анатолиі.

Корреспонденты по-прежнему отвѣняютъ въ нижеприведенныхъ корреспонденціяхъ, любяща войскъ и русскаго народа Радко-Дмитріева, къ нимъ же присоединился прибывшій къ нашимъ войскамъ англійскій генералъ Пенджеть, который пожелалъ сняться вмѣстѣ съ Радко-Дмитріевымъ и чинами его доблестной арміи. Фотографіи эти прилагаются къ настоящей статьѣ.

нижнихъ чиновъ. Самое названіе „Нашъ Радко“ указываетъ на близость генерала къ солдату и простоту въ обращеніи его съ нижними чинами при всѣхъ встрѣчахъ. Принадлежность къ иному славянскому племени во вниманіе не принимается, и въ представленіи солдатъ Радко причисляется, повидимому, къ кореннымъ уроженцамъ нашихъ малороссійскихъ губерній.

— Все ентъ, братцы мои, знаетъ... И ничего отъ него не скроется... Я разъ ему попался навстрѣчу,—оживленно начинаетъ рассказывать одинъ изъ солдатъ, но тотчасъ же смолкаетъ...

Въ № 1217 этого же журнала этотъ же корреспондентъ указываетъ спартанскую жизнь популярнаго генерала.

„Парные часовые около одного изъ домовъ служатъ признакомъ, что здѣсь живетъ генералъ Р. Д., выбирающій себѣ обыкновенно самое простое помѣщеніе.

— Удивительно нетребователенъ и скроменъ нашъ генералъ. Живетъ въ одной комнатѣ и при этомъ безъ всякой охраны, если не считать парныхъ часовыхъ, выставляемыхъ къ главному подъѣзду—рассказываетъ встрѣтившійся на дорогѣ рот. Н—чь“.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда предвидится особая надобность Радко-Дмитріенъ опрашиваетъ самъ плѣнныхъ, какъ это изображено въ прилагаемой фотографіи.

14 — 30 апреля. Его Величество Государь Императоръ 22-го сего апрѣля изволилъ возвратиться въ Царское Село ¹⁾.

19 апрѣля Черноморскій флотъ бомбардировалъ форты Босфора. Огонь былъ очень дѣйствителенъ. На фортѣ Эльмасъ произошелъ большой взрывъ и пожаръ. На слѣдующій день Черноморскій флотъ бомбардировалъ флангъ Чатаджинской позиціи, а черезъ 7 дней нашъ флотъ имѣлъ бой съ Гебономъ, который значительно, поврежденный, быстро скрылся въ Босфоръ.

Германцы опозорили себя новымъ преступленіемъ. Германская подводная лодка потопила громадный океанскій пароходъ „Луизи-

¹⁾ „Русскій Инвалидъ“, 23 апрѣля сего года.

Ген. Радко-Дмитрієвъ разспрашиваєтъ плѣннаго.

танію⁴. Въ числѣ пассажировъ оказалось значительное количество женщинъ и дѣтей.

Въ нашихъ замѣткахъ мы уже высказывали свое мнѣніе о предстоящемъ германскомъ наступленіи изъ Кракова. Для предстоящаго наступленія они свели всѣ силы, какія только могли, и съ французскаго фронта и съ варшавскаго, надѣясь на силу своихъ оборонительныхъ сооруженій, покрытыхъ бетонированными постройками и всѣми способами изощренной германской техники. Уступая намъ въ искусствѣ стрѣльбы нашей полевой артиллеріи и не имѣя, вопреки всѣмъ утвержденіямъ, въ достаточной степени сильной, тяжелой, полевой артиллеріи, германцы сняли громадное количество тяжелыхъ орудій, подходящихъ по типу къ полевымъ, почти изъ всѣхъ крѣпостей своего восточнаго фронта и даже съ германскаго флота. И этой-то силой они рассчитывали просверлить боевое расположеніе нашей арміи, и наступленіемъ отъ Кракова, естественно, послѣдовательно отбѣснять насъ съ карпатскихъ проходовъ. Предполагаютъ, что отъ Кракова они шли, по крайней мѣрѣ 8—9 корпусами. Остальныя ихъ силы подѣлены австрійцамъ на Карпатахъ и Буковинѣ. По нашимъ официальнымъ сообщеніямъ уже съ вечера 18 апрѣля на фронтѣ отъ Нижней Ниды, т.-е. по Дунайцу до Карпатъ, начались боевыя дѣйствія, отличающіеся особымъ упорствомъ и въ районѣ Тарнова и южнѣ артиллерійскій огонь достигъ большой силы, а бои значительнаго напряженія. Одно направленіе на Ярославъ, а другое въ обходъ Дуклы. На слѣдующій день оны уже переправились на правый берегъ Дунайца, а съ прочихъ проходовъ Карпатъ на насъ пошли сильныя нажимы, на третій день оны ввели въ боевую линію новыя значительныя силы, поддержанныя весьма многочисленною артиллеріей, и вели массовыя атаки и намъ пришлось отойти на вторую линію укрѣпленій. Вѣроятно, какія, нибудь сильныя политическія причины (готовящееся выступленіе Італіи) заставили такъ упорно задерживаться противъ колоссально превосходныхъ германскихъ силъ. На слѣдующіе два дня германцы громадными силами напираютъ на Ясло, при превосходствѣ тяжелой артиллеріи, стремясь отражать дуклинскія войска, и бои принимаютъ характеръ большого сраженія.

Наши контръ-атаки участились. При нашемъ отходѣ на Дуклинскомъ направленіи большія силы непріятельской арміи заняли путь отступленія 48-й дивизіи и окружили ее со всѣхъ

сторонѣ, однако, дивизія эта, руководимая своимъ доблестнымъ начальникомъ генераломъ Корниловымъ, проявила въ полной мѣрѣ свои славныя боевыя качества, и, пробившись съ большими потерями по трупамъ заградившаго ей дорогу непріятеля, 24-го апрѣля присоединилась къ родному корпусу.

25 и 26 апрѣля продолжались упорныя бои, при чемъ у Кросно противнику удалось переправиться черезъ верхнюю Вислоку. На другіе Карпатскіе проходы шло также энергичное наступленіе австро-германцевъ.

Къ вечеру 26-го апрѣля, на центральномъ участкѣ сраженія, въ районѣ Стришевъ-Бржошовъ, положеніе сложилось для насъ неблагопріятно, однако, стремительная контръ-атака нашего резерва на участокъ Беско-Яжмирзъ противъ праваго фланга непріятеля, стремившагося прорвать нашъ фронтъ, остановила натискъ вѣмцевъ, задержала начавшееся развитіе непріятельскаго успѣха и позволила нашимъ войскамъ, на угрожаемомъ участкѣ, спокойно отойти на указанную имъ позицію.

Доблестная 48-я дивизія, только 24-го апрѣля вышедшая изъ крайне тяжелаго положенія, произвела 26-го апрѣля на другомъ участкѣ сраженія также весьма успѣшную контръ-атаку.

Въ районѣ Дембица непріятель понесъ большія потери при атакѣ его нашими бронированными автомобилями.

Надо удивляться геройству нашихъ войскъ, распорядительности начальниковъ, дѣйствующихъ на Краковскомъ фронтѣ, и талантливому верховодительству любимаго военачальника, выхватившаго у генерала Макензена, энергичной атакой резерва, побѣду изъ подъ самого носа. Впоследствии исторія воздастъ справедливую оцѣнку этимъ чуднымъ операціямъ.

Одинъ изъ участниковъ этого отступленія рассказываетъ про огонь тяжелой артиллеріи: въ 3—4 часа самые солидные окопы превращались въ распаханное поле, на которомъ торчали руки, ноги, части разбитыхъ пулеметовъ, искусственныхъ препятствій и пр.

Во второй половинѣ апрѣля германцы начали наступленіе въ районѣ Шавля и въ Прибалтійскій край по направленію къ Митавѣ, и слѣдали высадку въ Либавѣ. Латышское населеніе встрѣтило враждебно вѣмцевъ, отлично освѣдомленныхъ во всемъ, что касается проходимои ими мѣстности до мельчайшихъ тропинокъ.

Лица, прибывшія изъ Туккума и Митавы, рассказываютъ интересныя подробности о движеніи передовыхъ нѣмецкихъ отрядовъ на путяхъ къ Митавѣ.

Благодаря исключительной „любезности“ нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ владѣльцевъ крупныхъ помѣстій, движеніе этихъ передовыхъ отрядовъ было обставлено возможнымъ комфортомъ... Объ нихъ позаботились, постарались сдѣлать все возможное...

Такъ, во всей округѣ извѣстно, что владѣлецъ имѣнія „Эллей“, близъ Туккума, бар. Медемъ устроилъ торжественную встрѣчу нѣмецкому отряду.

Въ честь „дорогихъ гостей“ зарѣзали нѣсколько свиней, коровъ и приготовили много различныхъ припасовъ продовольствія.

Другой нѣмецкій отрядъ нашелъ заботливое вниманіе къ себѣ въ имѣніи „Эккендорфъ“ (мѣстные латыши называютъ это имѣніе „Озолмуйжа“, т. е. „Дубовое имѣніе“), принадлежавшемъ бар. фонъ-Рекке.

Это то самое имѣніе, на которое въ печати уже было своевременно указано. Въ „Эккендорфѣ“ находится высокая гора, окруженная глубокими рвами, которые могутъ сослужить роль окоповъ. Здѣсь уже устроено нѣсколько площадокъ, неизвѣстно для чего устланныхъ бѣлымъ камнемъ, какъ это иногда дѣлается для обозначенія мѣста удобнаго спуска для воздухоплавателей.

Попирававъ въ „Эккендорфѣ“, нѣмцы, конечно, не преминули пополнить свои запасы продовольствія изъ ховяйственныхъ заготовокъ барона, у котораго въ особенности много было собрано хлѣба.

Ласковый пріемъ передовому нѣмецкому отряду, какъ передаютъ, былъ оказанъ и въ имѣніяхъ „Вирцау“ и „Рингмундсдорфъ“.

Владѣлецъ послѣдняго имѣнія пытался ночью пробраться въ сторону отхода нѣмецкихъ войскъ, но ему помѣшали наши развѣзды ¹⁾.

За исключеніемъ Галиціи и Буковины военныя дѣйствія на нашемъ театрѣ военныхъ дѣйствій имѣли характеръ не особенно важныхъ боевыхъ столкновеній.

Какую ужасную картину нечеловѣческаго злѣрства культурной нѣмки рисуетъ г. Сумскій въ нижеслѣдующемъ описаніи.

¹⁾ „Веч. Вр.“, 28 апр. с. г.

„Яркій солнечный снопъ лучей ударялъ внутрь вагона, освѣщая его. Нары были пусты. Вокругъ чугунки на скамейкахъ расположились семь солдатъ. Повязки отсутствовали. Очевидно, это не были раненые.

Мы поднялись въ теплушку, и кто-то изъ сидѣвшихъ у чугунки спросилъ:

— Господинъ санитаръ, кого это вы привели съ собой?

И въ нашу сторону уставилось нѣсколько глазъ.

Мы сразу обратили вниманіе на лица этихъ людей: они были безъ всякаго выраженія, и зрачки глазъ были особенно расширены.

— Мы пришли послушать ваше пѣніе: ужъ очень трогательно это выходитъ у васъ, сказалъ одинъ изъ насъ.

По лицамъ сидѣвшихъ пробѣжала слабая улыбка, но лица ихъ отъ этого не засіяли, какъ это должно было бы быть. Да и улыбка ихъ показалась намъ мертвой.

— Вы что, больные?—спросили мы ихъ.

— Какой тамъ больные!—отвѣтилъ рослый красный парень.—Мы—ослѣпшіе.

— Что вы? Отчего же вы ослѣпли?—удивились мы.

— Насъ пѣмцы ослѣпили. Еще когда мы шли въ Пруссію. Шли мы быстро впередъ. И сами, вѣроятно, знаете, что когда очель быстро наступаютъ, то транспорты съ провіантомъ не успѣваютъ изгонять насъ. Выходитъ задержка въ провіантѣ иногда на сутки, а то и болѣе. Намъ выдавали тогда кормовые.

Мы находились въ резервѣ, дѣлали переходы, поотстали отъ своихъ, проголодались и рѣшили зайти въ какую-либо ихнюю, пѣмецкую избу и раздобыть чего-нибудь. Все честно-честью, безъ дурныхъ мыслей. Мы подошли къ первой же хатѣ, постучали. Намъ отворила двери высокая сухопарая пѣмка.

Мы спросили хлѣба, милька (молоко, по-ихнему), показали ей деньги, чтобы поняла баба, что не задаромъ.

Она позвала насъ въ чистую горницу. Подала хлѣбъ и большой бѣлый кувшинъ съ молокомъ и чистую посуду для питья.

Мы выпили несъ кувшинъ.

Попросили еще.

Она принесла еще молока.

Уходя, пошутя, побалагурили. Дали деньги.

Деньги взяла, но какъ-то странно, точно смутилась.

Мы еще сказали ей:

— Чего не берешь, коли даютъ? Даютъ,—такъ надо брать.

Мы прошли немного,—у насъ точно стала кружиться голова, стало туманиться въ глазахъ. Потомъ больше, больше тумана, и все померкло.

Когда насъ нашли и отвели къ доктору, онъ сразу сказалъ, что мы, вѣроятно, приняли атропинъ,—такое лѣкарство.

И что, вѣроятно, иѣмка подмѣшала намъ въ молоко этого снадобья.

И вотъ теперь мы все здѣсь, кто тогда находился у этой бабы.

Сказала она насъ, точно вѣдьма какая. И за что? Не люди онѣ...

Онъ замолчалъ.

Потомъ черезъ нѣсколько мгновений спросилъ:

— А вотъ докторъ говорить: може, разсосется?

Все ослѣпшіе подняли головы, повернули лица въ нашу сторону.

Наступило неловкое молчаніе. Мы почувствовали, что отъ насъ ждутъ подтвержденія утѣшеній доктора: „може, разсосется“.

Что мы понимали въ этомъ дѣлѣ? Слышали только, что атропинъ, принятый внутрь, вызываетъ параличъ глазныхъ нервовъ.

Но смѣли ли мы лишать людей ихъ единственной надежды“.

За вторую половину апрѣля внутри Россіи надлежитъ отмѣтить нижеслѣдующіе факты: въ Москвѣ обнаружилось дѣятельность комивояжеровъ, занимающихся перевозомъ денегъ въ Германію черезъ нейтральныя государства; въ засѣданіи Саратовской городской думы закрытой баллотировкой обсуждался вопросъ о переименованіи улицы Нѣмецкой, и рѣшено оставить нѣмецкое названіе, а въ Московской городской думѣ обсуждался вопросъ о введеніи въ городскія школы преподаванія нѣмецкаго языка, въ Елисаветполѣ нѣмецкій торговый домъ Фореръ получилъ поставку заготовить вина для раненыхъ и больныхъ. Фирма провела трубы изъ водосточныхъ канавъ, протекающихъ по улицамъ Елисаветполя, и грязную воду наливала въ бочки съ виномъ¹⁾.

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“, 15 апр. с. г.

А на днѣ рѣки Невы обнаружено 400 сажень проволоки, неизвѣстно кѣмъ положенной.

Вышла высоко интересная книга А. С. Резанова „Нѣмецкое шпионство“; какихъ только интересныхъ свидѣній тутъ не найдешь: тутъ и выдачи нѣмецкаго шпионства, и служба связи, агенты нѣмецкаго шпионажа, погоня за военными, женщины шпионки, газетный шпионажъ нѣмцевъ, и т. д. Одина нѣмецкія шпионскія объявленія въ газетахъ чего стоятъ!

Вотъ нѣкоторыя изъ этихъ объявленій:

800 барышень и вдовъ съ приданнымъ до 200,000 руб. желаютъ въ скоромъ времени выйти замужъ. Женихи могутъ быть и безъ средствъ. Л. Шлезингеръ, Берлинъ, 18.

Кто готовъ жениться на молодой состоятельной имѣющей 65,000 руб. приданого наличя. Только лица съ серьезными намѣреніями благоволятъ писать по адресу: Шлезингеръ, Берлинъ, 18.

В. П.

